

ТѢМА ШУМОВ ТИХОВОДЬЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тема Шумов

Тиховодье

«Автор»

2017

Шумов Т.

Тиховодье / Т. Шумов — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-06103-3

Екатерина Нилова приходит в себя на обочине дороги. Кажется, лишь мгновение назад, солнечным утром, она гуляла по набережной вместе с семилетним сыном. Но теперь все изменилось. Улицы города опустели, с неба льет дождь, а Максим исчез. В поисках ребенка она вынуждена пройти через сплетение из разных времен, столкнуться с призраками прошлого, с порождениями кошмаров, чтобы в конце, найти не только сына, но и ответы на все свои вопросы, в том числе и на те, которые лучше никогда не задавать.

ISBN 978-5-532-06103-3

© Шумов Т., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Часть Первая	6
Глава 1	6
1	6
2	8
3	9
4	11
5	12
6	13
7	15
8	16
9	18
Глава 2	19
1	19
2	20
3	21
4	22
5	24
6	25
7	26
Глава 3	30
1	30
2	31
3	32
4	33
5	35
6	37
7	38
8	41
Глава 4	44
1	44
2	44
3	45
4	45
5	46
6	47
7	48
8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Тёма Шумов

Тиховодье

Когда идет дождь, кажется, что вот-вот что-то вспомнится
Рю Мураками «Дети из камеры хранения»

Часть Первая

... и над всем безраздельно воцарились Мрак, Гибель и Красная смерть

Эдгар Аллан По «Маска красной смерти»

Глава 1

1

Катя открыла глаза.

Перед ней колыхался серо-зеленый океан. Его волны набегали друг на друга и сталкивались, образуя пену из бесформенных пятен. Беззвучный пульс бился в глубине равнодушной и холодной бездны. Расплывчатый орнамент медленно менял очертания. Узор складывался за узором, распадался и собирался вновь.

Тишина. В голове ни одной мысли, лишь ледяная пустота.

С течением времени размытые пятна приобрели четкость. Серо-зеленый океан превратился в вуаль из переплетенных ветвей, скрывающих темное небо. Тучи как мохнатые жирные пауки поползли по этой зеленой паутине, задевая за макушки тополей и берез.

Первая мысль оказалась дряблой и немощной.

Я, наверное, оглохла.

Она всплыла откуда-то из черной глубины, похожая на бледного пучеглазого уродца, беспомощного и еле живого обитателя океанского дна, выброшенного на поверхность извержением подводного вулкана.

Появился тихий и монотонный шелест. Постепенно он распался на отдельные звуки, и Катя разобрала среди них перестук капель.

Дождь.

Капли громко застучали по чему-то, находящемуся по другую сторону полога из ветвей и листьев.

Она вслушалась в эту ...

... Тук-тук, ту-ту-тук...

... гулкую дробь, пытаюсь различить за ней голос.

Ее должны позвать, она была уверена в этом, но не могла вспомнить кто и почему. Память казалась крохотным островком, парящим над бездной. Катя знала, кто она, как ее зовут, но не понимала, где находится сейчас и где была за мгновение до того, как очнулась.

... Тук-тук, ту-ту-тук... Тук-тук, ту-ту-тук...

Все что она могла разобрать за нескончаемым перестуком – шуршание травы и шелест листьев. Крупные ледяные капли падали на лицо. В затылке появилась тянущая боль, переросшая в странный глубинный зуд, будто в зазор между мозгом и черепной коробкой проникли сотни крохотных насекомых. Екатерина провела ладонью по волосам, осторожно ощупывая голову, и насекомые кинулись в стороны, разбегаясь из-под ее пальцев. Мир закачался, и медленно закружился подобно старой ржавой карусели. Желудок поднялся, сдавив грудь. Его содержимое приготовилось выплеснуться наружу, и она громко рыгнула, подавив подступившую тошноту. На пальцах остались комочки засыхающей крови и грязи.

Ее затрясло от холода. Содрогаясь мелкой дрожью, Катя скрестила руки, обхватив себя за плечи.

В голове по-прежнему царил полный хаос. С илистого дна, где разлагались останки ее затонувшей памяти, как пузырьки болотного газа поднялись первые разрозненные воспоминания. Они толкались друг с другом, сливались и лопались, борясь за право первыми привлечь ее внимание.

Где я? Почему так холодно? Что произошло? Откуда кровь?

Катя еще больше наклонилась вперед, стараясь плотнее прижаться к полусогнутым в коленях ногам. Волосы мокрыми патлами свесились перед лицом. Они закрывали обзор, но так было даже лучше. Отрешенно разглядывая шнурки кроссовок, она боялась поднять голову. Ей было страшно узнать, где она находится.

Что-то было не так.

... Ты знаешь!..

В голове зазвучала забытая песня Глюкозы. Наташа Ионова кукольно-мультяшным голосом уверяла, что, когда вы влюблены, в вашем животе порхают бабочки. Но что в таком случае могло означать ощущение,..

...Ты знаешь!..

... когда у вас в животе ползают перекрученные в узел черви?

Почувствовав, что дрожь немного утихла, Катя решилась привстать, опираясь о ствол ближайшего дерева.

Черная майка без рукавов туго обтянула грудь. Джинсы, намокнув, потемнели и пытались соскользнуть под собственной тяжестью. Правая штанина была в черной жирной грязи. Она подтянула их, и выпрямилась, нерешительно отводя с глаз волосы и медленно оглядываясь по сторонам.

Дождь, словно разозлившись на то, что она осмелилась подняться, пошел сильнее. Огромные, но редкие холодные капли превратились в отвесные ледяные струи.

Екатерина стояла на обочине в нескольких метрах от проезжей части Волжской набережной. Ливневая канализация не справлялась с огромным количеством воды низвергавшейся на землю, и по обочинам дороги неслись настоящие реки, вспенивающиеся и закручивающиеся водоворотами над забитыми мусором и листьями стоками.

Прямо перед ней, с другой стороны, залитой водой дороги, возвышались темно-зеленые пятиэтажки. В них не было ничего не обычного, но их вид пугал и настораживал. Несмотря на то, что было довольно сумрачно, ни в одном окне не горел свет. На некоторых застекленных балконах оконные створки были распахнуты настежь, кое-где она видела торчащие из горшочков цветы, или висящее белье. И куда, спрашивается, смотрели хозяева этих квартир?

Создавалось впечатление, что абсолютно все жильцы в одночасье покинули свои дома.

Или умерли, пораженные вирусом судного дня как в каком-нибудь фильме ужасов.

За спиной находилось летнее кафе ресторана «Марсель». Выцветшие полосы черного и желтого цветов на тенте были заметны издалека. Каждый вечер здесь собирались любители крафтового пива на чешском жатецком хмеле, и хипстеры в клетчатых штанах и огромных шарфах. По выходным к ним добавлялись просто скучающие прохожие и гуляющие с детьми родители. И только когда на одной из сцен разворачивали проекционный экран и начинали транслировать матчи очередного чемпионата мира по футболу или европейского кубка с участием российского клуба, их всех вытесняли немногочисленные, но крикливые компании футбольных фанатов.

Здесь никогда не бывало безлюдно, но сейчас под дождем кафе выглядело сиротливо – мокрые ступени, деревянные столы, разбросанные и перевернутые стулья.

На другой стороне аллеи в тени огромных тополей прятался от любопытных глаз сам ресторан. Он был такой же черно-желтый и полосатый, но нерассчитанный на широкую ауди-

торию. Тут отдыхала совсем другая публика, предпочитающая передвигаться на «лексусах» и «мерседесах», а не пешком или на велосипедах.

Набережная, растянувшись на пару километров от стелы, возведенной к очередной годовщине победы и до городского музея, изгибалась вслед за берегом Волги. За разноцветным щербатым забором, уныло мокла желтая карусель, детский городок с крутыми горками и пара качелей с облупившейся краской.

Раньше все было не так. Не было этого ощущения жуткой запущенности и заброшенности. По аллее на роликовых коньках носились подростки, чинно передвигались мамы с колясками. Играла музыка, дети орали и скакали в надувном замке или просто бегали вокруг скамеек.

Она вспомнила, как сидела в кафе «Марселя» с бокалом радлера. Ни о чем не думая, отрешившись от тревог, просто смотря на важно прохаживающихся вдоль бордюров голубей, на блестящую гладь реки в просветах между стволов могучих деревьев.

Когда же это было?

Пару дней назад?

Когда она в прошлый раз гуляла здесь с Максимом?

О боже! Макс!

2

Она покачнулась, теряя равновесие. В голове кто-то переключил невидимый тумблер и цвета стали насыщенней, а предметы вокруг обрели какую-то фантастическую пронзительность и четкость. Катя, наконец, ясно разглядела предмет, который до этого момента старательно игнорировала — грузовой фургон «Скания» с изображением улыбающейся божьей коровки на кузове.

Именно его она боялась увидеть, подняв глаза.

Он стоял, врезавшись в двухсторонний рекламный щит. От торчащего наружу еще теплого двигателя шел едва заметный пар. Металлическая опора билборда при ударе выгнулась, и стальной лист с рекламным плакатом вывалился из рамы на газон.

Судя по логотипу на кузове, фургон принадлежал сети супермаркетов «Дружба». Ближайший из подобных магазинов находился в паре кварталов отсюда. Должно быть, именно туда и спешил водитель «Скания» в тот момент, когда...

... черная радиаторная решетка с профилем грифона на эмблеме заслонила от нее яркое полуденное солнце, его глаз повернут в ее сторону, и смотрит на нее без малейшего сожаления. Ничего личного, словно говорит он ей, ты просто не в том месте и не в то время...

... он не справился с управлением и врезаясь в опору рекламного щита, стоявшего на обочине дороги.

Она почувствовала дрожь в коленках и испугалась накатившей на нее волне слабости.

С выпавшего на землю рекламного щита, на нее смотрел немолодой человек с эспаньолкой и тонкими губами невзрачной барышни. Она смогла прочесть часть рекламного объявления.

...доктор Гаврилов решит все ваши проблемы... и ... позвонить по номеру 21-28-37...

Катя подошла к фургону.

Дверца со стороны водителя была распахнута. Лобовое стекло, вылетев, лежало на траве перед автомобилем и дождь, барабана по широкой передней панели, беспрепятственно заливал салон. Светился голубой монохромный дисплей акустической системы. Радиоприемник «Скания» продолжал работать даже после аварии. Из динамиков доносился белый шум пустого эфира и далекие потрескивания.

В замке зажигания торчали ключи с брелоком в виде человечка с огромным фаллосом. Раскачиваясь из стороны в сторону, человечек танцевал похабный и грязный танец.

Может быть, кто-то невидимый раскачивает его, забавляясь и изучая реакцию Екатерины? Может, дух мертвого шофера?

Где же ты? Максим?

Она огляделась и заметила совсем не далеко, лишь через узенькую пешеходную дорожку,...

... Это все не правда. Этого не может быть...

... от того места где она сейчас находилась, лежащий на боку велосипед сына.

Он был куплен Максиму на прошлый день рождения. Красный NOVATRECK с рифлёными шинами, и странной, непонятного назначения пружинной под сиденьем.

Все прошлое лето он ездил на нем со вспомогательными колесами, которые невзлюбил сразу. Он не один раз упрашивал ее снять их.

– Я не маленький, ма! – говорил он ей. – Я уже хожу в школу! Мне не нужны эти колесики для детсадовцев!

Соседские мальчишки, с которыми дружил Максим, были года на два-три старше. Это с тридцати лет начинает казаться, что разница в два года ничего не значит, но в семь – это всё ещё целая вечность. Чтобы дружить с более старшими ты обязан доказать, что ни в чем им не уступаешь. Порой для этого надо пройти обряд, который по своей сложности не уступает ритуалам посвящения в масоны или в студенческие братства. А временами и превосходит их. Например, популярное в российских дворах требование лизнуть топор на морозе, по своим последствиям может оказаться куда серьезней, чем требование выпить свиной крови, предъявляемое при вступлении в братство «Череп и кости» Йельского университета.

Пару недель назад Катя поддалась на уговоры сына. Она собственноручно открутила гайки, крепившие дополнительные колеса, помогла ему забраться на сидение и подтолкнула со словами:

– Крути педали! Чем быстрее едешь, тем будешь устойчивей!

Но, несмотря на это напутствие, первый блин, как часто случается в жизни, вышел у Максима комом. Поворачивая к подъезду, он слишком сильно надавил на ручной тормоз и, не удержав равновесия, грохнулся на асфальт, ободрав колени и локти.

С тех пор Максим стал бояться тормозить, предпочитая дожидаться, когда велосипед замедлится настолько, что его можно будет остановить, просто опустив ноги.

Сколько раз с прошлого года она обещала себе, объяснить ему, как тормозить, используя педали, но всегда находились какие-нибудь дела, и она забывала о данном себе обещании. И вот результат – велосипед Макса, лежит на боку с вывернутым рулем.

А ведь этим утром, выглядывая из окна кухни со стаканом кофе, она думала о том, какой отличный летний день ждет их сегодня.

3

За завтраком Макс показал ей новый рисунок города красной смерти.

Она рассеяно разглядывала пожухлые цветы, голые деревья, церковь со странными символами вместо крестов на куполах и слушала объяснения Максима.

– Это человек-червь. Видишь, у него из головы червяки растут.

Он ткнул пальцем в то, что она первоначально приняла за солнце с ногами.

Ей не нравились, когда Макс рисовал этот город. Почему он не может рисовать, как все мальчишки, машинки, самолеты и войну? Даже каракули с изображением ядерных взрывов вызывали меньшую тревогу, чем то, что он ей сейчас показывал.

Как и не раз до этого, она упрекнула себя, за то, что однажды, в далекий летний вечер, прочитала ему рассказ «Маска красной смерти». Книга, казалось, сама спрыгнула ей в руки с верхней, самой пыльной, полки, оттуда, где протекает книжная Колыма, а вокруг костров греются книги зеки.

«Страшные рассказы Эдгара По» было написано на обложке. Она открыла ее больше из интереса, – ей хотелось вспомнить, читала ли она ее и почему эта книга оказалась в изгнании. И надо же было, чтобы из всех рассказов глаза остановились именно на нем.

После упреков в свой адрес и недолгого сожаления, она, как всегда, пришла к самоуспокоительному выводу, что никто не мог бы ожидать от пары страниц относительно безобидного текста такого сильно воздействия на ребенка. Не настолько сильного, чтобы вызвать у нее настоящее беспокойство, но достаточного, чтобы вынуждать Максима, время от времени, изображать на своих рисунках странный и зловещий город.

– Это плохое место, – он показал на здание с колоннами среди оранжевых деревьев. – В этом доме живет самый главный злодей. Хозяин. Он почти всегда ходит в красной маске. А красная она, потому что из нее всегда сочится кровь. Когда он ее снимает, то все замечают, что у него козлиная борода.

– Погоди, – Максим взял черный карандаш и поправил птицу, сидевшую на каменном постаменте перед зданием с колоннами. Это было единственное живое существо, выполненное черным карандашом – все остальное, как и всегда на подобных рисунках, Максим, заштриховал различными оттенками красного цвета.

– Это ворона?

Он задумчиво и медленно кивнул.

– Не совсем. Это заколдованная принцесса. Как в сказке про лягушку-царевну. Помнишь? В неё влюбился Хозяин и превратил ее в ворону.

– Зачем? Он же любил ее?

– Мапочка, ну ты что совсем глупенькая что ли? Такая у некоторых любовь. Он хотел одеть на нее маску красной смерти, мучить ее и делать ей больно. Тебе бы понравилось, если бы тебя мучили и надели бы на тебя маску? Вот и она попыталась убежать от него, но Хозяин догнал её и превратил в ворону.

– А как же принц? Куда он смотрел? Почему не спас её?

– Какой принц?

– Который должен поцеловать ворону. В сказке же был принц, который поцеловал лягушку, и та превратилась обратно в прекрасную царевну. Значит, такой же принц должен быть и тут.

– Ну как ты не понимаешь? Нет здесь принца! Это же не сказка какая-нибудь. Это ужас. А в ужасках счастливых концов не бывает.

– Мышь, но это же плохо. Давай, пусть у тебя будет первый в мире ужасик с «хеппи-эндом», а принцем будет милиционер.

Катя кивнула на левый угол рисунка, где была нарисован автомобиль с горящими сигнальными огнями на крыше.

– Это же полицейская машина?

– Не будет, – ответил Максим с набитым ртом. – Так нельзя. Принц должен победить Хозяина и всех его чудовищ. Но полицейский обычный человек. Разве может обычный человек расправиться с чудовищами?

Она оставила этот вопрос без ответа, проигнорировав его, как и самих монстров, которые, конечно, были на рисунке. Он всегда рисовал на улицах города красной смерти зловещего гигантского клоуна и насекомоподобное существо, но Катя всякий раз делала вид, что не замечает их, что этих кошмарных тварей для нее не существует, а если Максим порой все же пытался добиться от нее хоть какой-то реакции (что не часто, но случалось), и заводил о них

речь, она переводила разговор на другую тему, даже особо не беспокоясь о том, не выглядит ли ее реакция слишком нервной и резкой.

Кто-то мог бы сказать, что это позиция страуса, но она была уверена, что только так она сможет победить его персональных монстров.

Она не помнила, чтобы выдумывала в детстве настолько ужасающих созданий. Хотя ее мать и жаловалась, на чересчур богатое воображение своей дочери и переживала, что оно могло достаться той от отца.

4

Максим хрустел шариками сухого завтрака, которые не успели разбухнуть в молоке. Ложка громко стучала по дну тарелки.

– Мышь, куда ты так торопишься? – спросила его Катя, ей не хотелось больше обсуждать этот рисунок: как и остальные рисунки о красной маске, он был не только неприятен, но и пугал. – На пожар опаздываешь? ...

– Нет, – ответил он с набитым ртом и настолько раздувшимися щеками, что действительно стал похож если не на мышь, то на хомячка. – На новые серии Скуби-Ду.

– А здесь, на кухне, посмотреть нельзя? – она протянула руку к лежащему на подоконнике пульту.

– Неа... На кухне телик маленький...

Катя не помнила, когда и почему стала называть его *мышью*, но полагала, что это было сокращение от «малыш».

У всех людей, которые долго живут вместе, с течением времени появляются свои личные идиомы и сокращения. Обычно мы на них не обижаемся, наоборот, мы применяем их, когда надо разрядить обстановку, или поднять настроение хмурым осенним вечером. Рождаются они из смешных или нелепых ситуаций, в которых мы принимаем участие или свидетелями которых становимся. Часто это просто фразы из комедий, реже – продукт собственного сочинения. Например, дедушка Кати, широколицый здоровяк, умерший от рака, когда она перешла в выпускной класс, намазывая на хлеб свое любимое абрикосовое варенье, любил громко цитировать стихи собственного сочинения.

Одно из них врезалось ей в память, и она до сих пор вспоминала его, когда доставала с верхней полки углового шкафчика в коридоре банку с консервированными абрикосами.

Возьми на ложечку варенье, почувствуй под ложечкой удовлетворенье...

Катя не произвольно улыбнулась этому воспоминанию. Но затем ее улыбка потускнела. Она вспомнила родителей. В последнее время она ловила себя на мысли, что лицо матери из детских воспоминаний стало тускнеть и расплываться. Скоро она может совсем забыть, как та выглядела. А отец? Она уже сейчас могла с трудом вспомнить его. Да и сами эти воспоминания все глубже опускались в темную воду времени, становясь все менее различимыми сквозь толщу лет.

Жаль, что родители оставили ее так рано. Они бы обрадовались, увидев какой замечательный у них растет внук.

Родители погибли, когда ей было чуть больше шести, и она еще только собиралась пойти в школу. Ее забрали к себе бабушка и дедушка по материнской линии, родители отца к тому времени уже умерли. Никто никогда не говорил ей, как именно погибли ее мама и папа, но из взрослых разговоров она поняла, что это произошло в результате автомобильной аварии на зимней дороге из областного центра.

Бабушка пережила деда лишь на три года, но к тому времени Катя уже поступила в университет, училась в другом городе и зависела только от себя.

– Это маленький телик, для маленького мышонка, – она хотела потрепать его волосы, но сын уклонился.

– Мама! – весь его вид показывал, насколько он недоволен этим проявлением «телячьих нежностей».

– Всё-всё, – Катя подняла руки. – Допивай «Несквик», я тебя не задерживаю.

Он за два глотка осушил свой желтый бокал с Вини Пухом и убежал в комнату, а Катя налила себе еще одну чашку кофе. Разбавив его сливками, она села возле открытого окна.

Из комнаты донесся вопль Шэгги:

– Скуби! Тут полно еды!

Катя взяла со стола телефон и написала подругам о том, что сегодня ей предстоит пережить еще один чудесный летний выходной.

Первой в чате откликнулась Римма.

Когда-то Катя жила с ней в одной комнате в общежитии. Окончив университет, они ненадолго потеряли друг друга из вида, но вскоре после рождения Максима встретились снова. Выяснилось, что теперь они жили в соседних домах, и Римма стала часто заходить к ней в гости. Если возникала необходимость, без вопросов сидела с Максом, пока он был крохой.

Римма: *Подгребайся в полдень к Марселю. Будем спасать друг друга от зноя холодным пивом. Привет мужикам!*

Катя: *Ок! У меня есть для тебя кое-что. Одна твоя вещь, которую ты забыла у нас в прошлый свой визит.*

Римма: *Правда? Заинтригована. Не помню, чтобы я что-то оставила.*

Катя: *Ты удивишься еще больше, когда я тебе покажу его.*

Римма: *Ладушки. Ты будешь с мальчиком?*

Катя: *Куда же я без него.*

Римма: *Тогда с меня Чуна-чупс!*

У Риммы были по-азиатски прямые черные волосы. Теперь, судя по аватарке, она подстриглась и стала еще больше походить на маленькую японскую или корейскую девочку.

Катя: *Я ему передам. Классная стрижка, тебе идут короткие волосы, но смотри, чтобы я в тебя не влюбилась!*

Римма: *Попробуй. Но предупреждаю, я отвечу взаимностью.*

5

На переписку с подругами, чтение их твитов, и разглядывание новых фотографий в соц-сетях, ушло чуть меньше часа. Посмотрев информацию о прогнозе погоды – в течение всего дня обещали солнечную и теплую (если не сказать жаркую) погоду – Катя встала, потянулась, и принялась заполнять посудомоечную машину оставшейся после завтрака посудой.

После встречи с Риммой, вернувшись домой, можно будет с чистой совестью развалиться на диване перед телевизором или с планшетом в руке. Но что делать до этого? Утро только начиналось и надо было решить, чем занять себя и сына как минимум на ближайшие два часа.

«Почему бы нам не отправиться прямо сейчас, – подумала она, – Я давно собиралась пройтись по новым магазинам».

Катя улыбнулась, убирая телефон в карман шорт. Ничто так не придает смысл существованию современной девушке как предвкушение шопинга.

К полудню солнце разогреет асфальт на городских улицах до состояния раскаленной сковородки и ближе к двенадцати они свернут на набережную с ее тенистыми аллеями. Детские аттракционы займут ее сына ненадолго, но она знала средство, которое обязательно позволит ей немного пообщаться с подругой – NOVATRECK. После того как она сняла дополнительные

колеса он стал вызовом для Максима. Мальчик все еще осваивал езду без дополнительных колес, но в последние дни катался на нём все смелее.

Стоя возле врезавшейся в угол дома «Скании», Катя вспомнила, что она сама предложила ему этим утром взять велосипед.

На глаза навернулись слезы.

– Прости Макс... Это я во всем виновата. Если б не я... дура... черт, какая я дура!

6

Пока она переходила от одного магазина к другому, Макс то немного обгонял ее, то отставал.

Примеряя футболку в «Оджи» Катя следила за ним через окно. Ей понравилась надпись «Fuck Google Ask Me» на одной из футболок, но она так и не решилась ее купить. Ходить в ней было слишком рискованно: многие представители мужского пола уже хорошо выучили по американским триллерам и боевикам некоторые из этих слов, но всё ещё не были способны понять смысл составленного предложения. Имелась большая вероятность того, что они поймут эту надпись как призыв к действию или как сигнал о легкодоступности того, что эта футболка скрывала.

Максим все это время нарезал круги вокруг овальной клумбы, где стояла цветочная скульптура, впервые созданная к прошлогоднему дню города, проведенному с большой помпой, бесплатными пирогами и грандиозным фейерверком. В скульптуре с огромным трудом можно было узнать стерлядь — рыбу, присутствующую на гербе города, и являющуюся его символом. Катя заметила в скульптуре рыбы черты только после подсказки со стороны подруги, а Максим до сих пор был уверен, что это стрекоза. Он называл ее Стрекозомонстрой, мог подробно расписать образ жизни этого чудовища и даже показал хвост с ядовитым жалом как у осы, только намного тоньше, длиннее и острее.

Потом Катя перешла в «Остин», где ей приглянулась «ветровка», а Максим переехал к следующему газону, называвшемуся у горожан «садом камней». На хаотично раскиданных огромных валунах были выбиты изречения философов и писателей. Один из камней запомнился Кате фразой – *«Когда идет дождь кажется, что вот-вот что-то вспомнится»*. Эти слова отчего-то сразу вонзились глубоко в сердце и торчали в нем подобно занозе, вокруг которой растекалась темная вода печали, тоски и боли. Может из-за того, что всякий раз, проходя мимо сада камней, и замечая ее, она вспоминала погибших родителей?

На набережной, как и всегда, было многолюдно. Мамаши с сыновьями, папаши с колясками. Подростки, гоняющие на скейтах и роликовых коньках. Катей овладела легкая летняя сонливость, захотелось спрятаться в малолюдную тень с холодной газировкой или пивом и закрыть глаза. Она предложила Максиму попрыгать в надувном замке или покататься с горок (пока он будет увлечен своими детскими забавами, Катя могла бы посидеть на пустой скамейке вдали от центральной аллеи), но аттракционы были забиты детьми, и Максим отказался лезть в эту, как он сказал, *«визжащую толпу»*.

– Ма, я не хочу туда. Там так много крикливых идиотов, – пояснил он ей.

При этом его взгляд был таким суровым и серьезным что она немного испугалась.

Бывали моменты, когда он казался ей маленьким социопатом. Хоть изредка, но у нее появлялись мысли о том, что с Максимом не все в порядке. Иногда создавалось впечатление, что он дистанцировался от сверстников, был вроде как с ними, но в то же самое время далеко от них. Однако, поразмышляв над этим, она неизбежно приходила к выводу, что все это лишь указывает на независимую натуру ее сына. Он никогда не причинял ей никаких проблем, не устраивал драк с другими детьми и истерик по поводу игрушек. Он не был лидером, но и

не признавал лидерства над собой. Где-то она читала, что подобные дети, вырастая, многого добиваются в жизни.

Хорошо, если так и будет.

По аллее прогуливались два аниматора одетых в костюмы зайца и медведя. Взрослые шарахались от них, а дети крутились рядом. Она сфотографировала Макса вместе с зайцем, а затем себя с медведем. Лицо молодого человека в костюме блестело от пота и, как он не выдавливал из себя улыбку, было видно, что всё происходящее ему уже весьма осточертело.

Солнце палило немилосердно. Лето выдалось на удивление сухим и жарким. Дождя не было уже две недели и трава на газонах начала желтеть, а на дорожках появились первые сухие листья.

– Тяжело вам в такую жару? – спросила Катя.

И желая хоть как-то поддержать его предложила.

– Может вам мороженого купить?

Парень вместо ответа поднял и развел руки, демонстрируя, что ему ни при каких условиях не удержать маленький стаканчик мороженого в огромных медвежьих лапах без пальцев.

– Я могла бы вас покормить.

Молодой человек усмехнулся.

– Спасибо, конечно, но не стоит. За нами начальник смотрит. Если я отвлекусь на поедание мороженого, тем более, если при этом меня будет кормить такая очаровательная блондинка, не видать мне своей мечты.

– Можете поделиться со мной? Что за мечта?

– Могу, конечно. Это не секрет. Моя мечта – красная «Мазерати Гран Туризмо».

– Машина? Вы хотите заработать на машину, бегая по городу в костюме медведя?

– Ну, чем-то надо заработать свой первый капитал. Почему бы не костюмом медведя?

– Ну, да. В любом случае, если у вас есть мечта и вы стремитесь к ней – это здорово...

Макс потянул ее за руку дальше, и все что она успела – это улыбнуться и пожелать молодому человеку удачи.

Парень ей понравился, хотя она даже его лицо не видела целиком. Но его глаза, – они показались ей смутно знакомыми. Может ей доводилось встречаться с ним раньше? Она обернулась и увидела, как аниматор машет им рукой.

Не задерживаясь у каруселей и надувного замка, они дошли до ресторана «Марсель» и Катя предложила Максу покататься вокруг, а сама встала в очередь из трех человек в летнем кафе, напротив ступеней ресторана.

Максим попросил «фанту», себе она решила взять коктейль радлер – смесь пива и «спрайта» казалась ей самой подходящей комбинацией в этот жаркий день.

До встречи с Риммой оставался час.

Парень, стоявший перед ней, отошел с двумя банками «Холстена» и девушка-бармендер – лет двадцати, никак не больше – обернулась к ней.

Катя разглядела капельку пота, блестящую у той на шее под ухом, тату дракона, выглядывающего над приспущенным воротом топика, и пирсинг на нижней губе.

– Вам как всегда? – спросила она у Екатерины и подмигнула, будто они были знакомы. – Две части «Черновара» и три «Спрайта»?

– А?

Катя решила, что та перепутала ее с кем-то из завсегдатаев ресторана и сбита с толку, не сразу поняла смысла последних слов.

– Да, пожалуй, – продолжила она опомнившись. – Откуда вы?..

– Я почти каждые выходные вас тут вижу, и вы всегда заказываете одно и то же, – пояснила девушка, заметив ее замешательство. – А где ваш мальчуган?

– Максим? Так рядом где-то... На велике катается...

– Значит ему фанты? – предположила барменша.

– Да... Вы очень внимательны. И у вас вероятно хорошая память на лица.

– Ой, да нет! Я далеко не всех запоминаю, – девушка поставила перед ней пластиковые стаканы. – Но вас я запомнила почему-то. Не знаю. Может, вы просто хорошо вместе смотрелись. Какая-то аура над вами была особая.

Затем она перегнулась через стойку и протянула ей руку.

– Меня Юля зовут...

– Спасибо... В смысле очень приятно... В смысле... – Катя уже начала брать стаканы, потом поставила их обратно и ответила на ее рукопожатие. – Катя...

– Заходите к нам еще... За «Фанту» денег не надо... Это от меня Максиму...

Катя вернулась к скамейке, где оставила сына. Оглядываясь, она видела множество других детей, но Максима поблизости не было. Встав под вывеской ресторана «Марсель», она сфотографировала себя на фоне цветов петунии и бугенвиллеи в длинных деревянных горшках.

– Сиськи, – произнесла она секретное слово за миг до того, как смартфон издал звук, имитирующий щелчок затвора камеры.

Куда же подевался Максим?

Убрав телефон, она недоуменно покрутилась на месте. Пальцы судорожно сжали стакан с «фантой» и та выплеснулась через край. Сумочка, висевшая на плече, съехала и повисла на предплечье. В нескольких метрах от нее огромный мужик, обладатель впечатляющего пивного пуза, продавал сахарную вату, и вокруг него столпилось четверо ребятишек. Ей показалось, что она видит среди них своего сына, но приглядевшись, поняла, что обозналась. Этот мальчуган был старше и рисунок на его футболке был другой, хотя со спины их и легко было спутать.

В тот момент, когда Катя уже намеревалась поставить напитки на скамейку и отправиться на поиски, до ее ушей донёсся восторженный крик, и она увидела, Макса съезжающим с пригорка напротив ресторана.

– Смотри, как я могу, ма! – прокричал он, проносясь мимо нее по дорожке, что выходила прямо на проезжую часть, которую этой весной отремонтировали и расширили, чтобы разгрузить центр города от многотонных громадин во всё большем количестве пролетающих через город по пути в областной центр.

Всё остальное произошло за несколько, растянувшихся в вечность, секунд.

7

Грузовик выворачивает со стороны аллеи славы и ей хватает мгновения, чтобы понять: скорость Максима слишком велика, он не сможет вовремя остановиться, и обязательно выедет на дорогу, как раз перед мчащимся фургоном.

– Макс, – кричит Катя.

Время замедляется. Она ощущает, как скрипят его жернова, перемалывая мгновенья, как секунды, растягиваясь в минуты, медленно, обтекая ее, скользят по коже.

Она разжимает пальцы. Стакан с коктейлем медленно падает на землю. Следом за ним падает фанта. Сумочка незаметно соскальзывает еще ниже по предплечью и виснет на запястье. Она отбрасывает ее, даже не отдавая себе отчета в том, что делает. Они с сумочкой сейчас находятся в разных вселенных.

Перепрыгивая через газонный бордюр, она видит, удивленное лицо Юли, наливающей пиво очередному посетителю. Пара подростков, идущих по тротуару, оглядываются на нее. Их ноги застыли в воздухе. Все происходит очень медленно, как при замедленном просмотре кинофильма.

Фургон проезжает мимо общественного туалета – корявого строения выкрашенного оранжевой краской. Водитель не видит Максима, а тот не видит автомобиль.

Ей кажется, она слышит звуки шансона, доносящиеся из кабины грузовика. Водитель слушает радио и курит «Балканскую Звезду». На ключах в замке зажигания, болтаясь из стороны в сторону, танцует свои грязные танцы металлический парень с огромным органом.

Максим пытается тормозить, но делает это именно так, как и ожидает Катя, осторожно несколькими нажатиями на ручной тормоз.

– Максим! – вновь кричит она, выбегая на тротуар всего в каком-то метре от него. – Машина!

Она не успевает удивиться, почему так быстро смогла его догнать, как из-за огромных деревьев и разросшихся кустов изгороди, появляется фургон.

Теперь его замечает и ее сын. Он опять давит на тормоз и пытается повернуть. Но страх перед падением все равно слишком силен и все это не приносит должно эффекта – он по-прежнему выкатывается прямо под колеса грузовику.

Катя прыгает.

Вытянув руки вперед, настолько насколько это возможно, и, напоминая себе футбольного вратаря, в прыжке пытающегося дотянуться до мяча, она что есть мочи отталкивает сына прочь с дороги. Пусть лучше обдерет колени или даже сломает руку, но останется жив.

Максим вскрикивает и заваливается на бок. Подростки на тротуаре, остановившись, смотрят на них удивленными широко открытыми глазами. В их взгляде, кроме удивления легко читается жалость, но это жалость лишь о том, что у них при себе нет фотоаппарата, или хорошего смартфона.

«Упустили такой случай снять ДТП и, выложив его на «ютуб», стать местными звездами народной журналистики, идиоты», – думает Катя, растягиваясь на асфальте и обдирая об него локти и ладони.

«Скания» уже в нескольких метрах от нее. Чёрно-белая морда грузовика кажется ей похожей на морду монстра. Ноздри – фары, радиатор – рот. А сквозь единственный, огромный глаз на нее смотрит водитель. Он не брит, одет в клетчатую рубашку, на голове бейсболка, развернутая козырьком назад, из уголка рта торчит на половину выкуренная сигарета, глаза широко раскрыты; он, видимо, не может понять, как такое возможно: откуда выскочил этот пацан на своем драндулете, и эта баба, эта непутная мамаша, которая должна была следить за своим долбанным отпрыском, а не пить пиво и трещать по телефону. Она зажмуривается и дергается в сторону, пытаясь уклониться, отсрочить уже неминуемое столкновение.

8

Из динамиков акустической системы «Скании» раздался громкий треск, и Катя вздрогнула от испуга.

Потрясенные этим резким движением воспоминания начали стремительно таять, а мир вокруг опять обрел четкость. Катя направилась в сторону лежащего на боку велосипеда.

– Макс... – попыталась она позвать сына, но вместо крика вышел гортанный хрип больше похожий на карканье.

Откашлявшись, женщина тыльной стороной ладони вытерла губы. Затем обхватила себя руками, чувствуя, что ее опять бьет мелкая дрожь. Ливень стал заметно холодней. Захотелось, чтобы все это как можно скорее закончилось, и она опять оказалась дома с Максом. Они сядут на огромный диван в большой комнате, включат какой-нибудь милый смешной фильм, любую семейную комедию, и будут ржать над нелепыми ситуациями и бестолковыми героями, уплетая

арахис, кешью или виноград. Почему нельзя чтобы все было так? Почему она вынуждена быть здесь, ведь этот день так хорошо начинался?

– Милый! – теперь у нее получилось лучше, голос заметно окреп. – Мышь, где ты?

Но ответом ей по-прежнему был лишь монотонный шелест дождя.

Катя вытащила переднее колесо велосипеда из куста изгороди, в котором то оказалось. Осмотрела каждую деталь. Колеса ровные, рама не погнута. Велосипед не был поврежден. У нее отлегло от сердца. Если цел он, то с большой уверенностью можно сказать, что и с Максимом все в порядке.

Но где же он?

Она огляделась, выискивая хоть малейшие признаки того, что он был где-то рядом.

– МА-КСИМ! – закричала она. – МАКС!

Ей никто не ответил. Город был пустынен и безмолвен. Только дождь без умолку нашептывал свой депрессивный монотонный рэп.

Катя, наконец, поняла, насколько ненормальна ситуация, в которой она оказалась. Совсем недавно она гуляла тут с Максом, светило яркое солнце и стояла невыносимая жара, народу было столько, что пройти мимо аттракционов и не столкнуться плечами, с кем-нибудь идущим на встречу, было просто невозможно.

А что теперь? Пустые улицы, холод, дождь.

Сколько же прошло времени с того момента как она бросилась под колеса «Скании» если погода успела настолько испортиться? Часов пять? Шесть?

И за все это время ее никто не поднял, никто не вызвал скорую? Разве могло быть так? Могли ее просто не заметить пребывавшие на месте экстренные службы?

Нет. Можно предположить, что ударом ее отшвырнуло достаточно далеко от места столкновения, а шофер грузовика потерял сознание, память, впал в кому или умер, но ведь были и другие люди, которые ее видели – барменша Юля, следившая за ней из-за своей стойки, те два подростка.

И Максим. Он бы не ушел без нее. Он и города не знает.

Если только с ним все же не случилось ничего страшного.

Надо куда-нибудь позвонить! В больницу, в скорую, в полицию! Надо узнать, что произошло. Если что-то случилось с ее сыном, там должны знать. Если он в реанимации ...

... не думай об этом. Этого не может быть...

... если с ним что-то случилось, она никогда себя простит.

Катя вспомнила о мобильном телефоне. Он был в ее сумочке. Но куда она ее подевала?

Парень с «Холстеном». Сумочка на плече. Юля протягивает мне два бокала. Я достаю из внутреннего кармана сумочки банковскую карту. Расплачиваюсь. Убираю обратно. Сумочка все так же на плече. Я отхожу от стойки, спускаюсь по ступеням, оглядываюсь, ища Максима. В этот момент...

Да, конечно! Она же отшвырнула ее возле скамейки на алее рядом с рестораном!

Катя развернулась и побежала.

Пожалуй, впервые в жизни она была готова молиться богу. Любому. Иисусу, Аллаху, Иегове. Даже дьяволу. Она взывала к ним всем одновременно, перепрыгивая через лужи и бордюры, просила, чтобы хоть кто, кто угодно из них, но сделал так, чтобы случилось чудо и ее сумку никто не увидел, не нашел и не поднял, даже из лучших побуждений.

Подбежав к скамейке, она остановилась, переводя дыхание. На асфальте прибитые потоками воды к краю тротуара лежали два пластиковых стакана – большой и маленький – от «Фанты» и радлера.

Сердце продолжало бешено колотиться, не желая умирять свой бег. Сумочки рядом со стаканами не оказалось. Она обошла скамейку, посмотрела даже под ней, и уже, когда каза-

лось, не оставалось ничего, кроме как закрыть лицо руками и зарыдать от беспомощности и отчаяния, Катя обнаружила её повисшей у самой земли на колючих ветках кустарника.

Спасибо тебе, боже.

Открыв сумку, она сразу наткнулась на телефон, лежащий между тысячными купюрами, кредитками и скидочными картами.

Дрожащим указательным пальцем нажала кнопку включения на правой стороне смартфона. Загорелся экран. Первое что она увидела – десять пропущенных вызовов, а над фото Максима стояла маленькая единичка – одно прочтенное СМС.

Мамочка, где ты. Я так скучаю. Ты мне нужна.

Катя разрыдалась.

9

Дождь из ливня превратился в осеннюю морось. Небо оставалось таким же безрадостным. Темные зловещие тучи почти задевали верхушки тополей.

Она нажала «*позвонить на мобильный*». Последний раз всхлипнув, потерла нос и, когда в динамике раздалась первая гудка, уже полностью взяла себя в руки.

Гудков было не больше трех.

– Ма... – ответили на том конце.

– Максим, – выдохнула она. – Ты где, сыночек?

– Ма... – что-то в его голосе было не то, она никогда не слышала его таким и не могла подобрать слов, чтобы описать его и понять, что чувствует и почему ее это беспокоит.

– Мамочка... Я люблю тебя...

– И я тебя милый. Ты где, мышь? Ты дома? Будь там я скоро приду.

– Он не пустит тебя, мамуля. Он никогда не позволит, чтобы мы встретились вновь.

– Кто? – Из рта вместе с вопросом вырвалось облачко пара. Катя почувствовала, что рука, держащая телефон, леденеет и теряет чувствительность. – Кто он? Никого не пускай я уже иду...

– А он... – голос Макса прервался, потом появился вновь, – ... лишь иллюзия...

В трубке щелкнуло, и раздалась короткая гудка.

– Чертов МТС! Будь проклят ты и твоя долбанная связь! – закричала женщина. Ей захотелось зашвырнуть этот телефон как можно дальше, но она лишь крепче сжала его в руке.

– Держись Макс, я уже иду...

Убирая телефон обратно в сумочку, она обратила внимание на то, что вначале приняла за плотно скрученный клубок очень тонкой медной проволоки, торчавший из бокового кармашка. Она достала предмет, издав удивленный возглас.

– Это еще откуда?

Сжимая кончиками пальцев, она держала перед собой яркий рыжий парик. Катя могла поклясться, что никогда не носила парики, тем более настолько вызывающие и вульгарные: подобные могли носить только дешёвые привокзальные проститутки.

Чем дальше она разглядывала его, тем отвратительнее он ей казался, и, тем сильнее разрасталась в ней иррациональная, безумная ярость. Ей захотелось вырвать из него эти неестественные, сияющие неоновыми волосами, бросить в лужу и, выкрикивая первые приходящие в голову ругательства, до изнеможения втапывать их в грязь. Сердце в груди зашло обезумевшим паровым молотом. В глазах потемнело, зазвенело в ушах.

Успокойся, тише, приказала она самой себе, и, подавив охватившую ее необъяснимую, неизвестно откуда взявшуюся злобу, одолев брезгливость, убрала парик обратно в сумочку.

Глава 2

1

Через пару кварталов она остановилась в нерешительности.

Дорога возле развлекательного центра «Джокер» оказалась перекопанной и залитой водой. По широкой и глубокой (ей показалось, что не меньше полутора метров) траншее неслась настоящая река грязной, коричневой жижи. Глинистые края были изрядно подмыты. Потрескавшаяся асфальтовая корка, нависала над потоком и могла в любой момент обвалиться под ее ногами.

Перепрыгнуть?

Нет, про это можно было забыть. Даже в школе на уроках физкультуры Катя не могла похвастать спортивными достижениями, и в особенности в прыжках в длину. Можно, конечно, перебраться вброд, но она и без этого совершенно вымокла под дождем, и тогда, к исходу суток, точно свалится с бронхитом.

Впереди сияла кислотно-синяя вывеска развлекательного центра «Джокер». За домом, с той стороны траншеи, на перекрестке возле гипермаркета «Дружба», желтым глазом мигал светофор. Именно до него ей и хотелось добраться в первую очередь. Оттуда еще несколько минут по проспекту Ленина, затем пересечь по диагонали площадь напротив Дворца спорта, где тренировалась городская хоккейная команда, пройти дворами среди построенных немецкими военнопленными двухэтажек, – и она будет дома.

Рядом с ямой мокли выкопанные из-под земли трубы. С одной стороны, благодаря подмытому краю и отколовшемуся асфальту, они нависали над траншеей, а с другой вплотную примыкали к металлическому забору, зеленые лопухи потрескавшейся краски, на столбах которого, напоминали облезающую кожу любителя позагорать.

Забор огораживал территорию детского сада «Почемучка». Совсем недавно, но в то же время настолько давно, что иногда казалось, будто это было или не с ней или в другой жизни, она водила сюда Максима.

Поскольку измерять глубину широкой, протянувшейся перед ней траншеи, равно как и тратить время на поиск обходных путей, у нее не было ни малейшего желания, ей не осталось ничего другого как, взобравшись по трубам перепрыгнуть через забор на территорию сада.

Пропитанная водой земля чавкнула под коленями. Ладони практически полностью погрузились в податливую наполненную влагой почву. Джинсы после сегодняшних приключений можно будет отправлять в дачную ссылку. Максимум на что они смогут рассчитывать в будущем – это на то, что она оденет их для пикника или лесной прогулки.

Прямо перед ней оказалась веранда, пораженная своей запущенностью, и трухлявыми деревянными перилами. Насколько она помнила, территории всех садов в городе в прошлом году облагораживали и садик «Почемучка» не был исключением. Тут спилили огромные старые деревья, угрожавшие в один прекрасный момент упасть на головы детей, а веранды покрасили и в некоторых перестелили пол. Однако эта выглядела так, словно никакого ремонта не было и в помине. Деревянные ступени окончательно раскололись, раскрошившиеся балясины выглядели как гнилые зубы в старческом рту. Крыша провисла и грозила обвалиться. А над всем этим чувствовался приторный запах плесени.

Она остановилась на середине детской игровой площадки, пытаясь вспомнить, не на этом ли участке гуляла группа, в которую ходил ее сын. Впрочем, все игровые площадки в детских садах выглядели в Тиховодске одинаково. Обязательно тут присутствовал кораблик-пе-

сочница, автомобиль с прижавевшим к оси рулем, пара абстрактных металлических фигур для лазанья, несколько вкопанных, и непонятно, что символизирующих, автомобильных шин.

Но кроме всего перечисленного здесь имелись маленький деревянный дом, пребывавший в удивительно хорошем состоянии, клумба с оранжевыми «ноготками», ежегодно высаживаемыми с наступлением августа и крохотный стол с еще более крохотной скамейкой.

По периметру была натянута веревка, на которой висели маленькие разноцветные треугольные флажки, похожие на те, что вешают во время праздников на кораблях.

Каждый предмет, присутствовавший на площадке, казался смутно знакомым. У нее даже возникло чувство, что ее перенесло на пару лет назад, когда тут все именно так и выглядело. А игрушечная лошадь, одиноко стоявшая в дальнем углу у кустов боярышника, лишь подтверждала фантастическое предположение о том, что Катю угораздило провалиться во временной разлом.

Это игрушка из группы Максима, она была уверена в этом. Катя отлично помнила эти выпученные глаза и хвост с облупившейся эмалью. Но вместе с тем она также помнила и то, что, когда ее сын дохаживал в садик последние дни, кто-то оторвал несчастной лошади голову.

Однако сегодня голова опять была на месте. Целая и невредимая.

Лошадь, обнажая огромные зубы, улыбалась ей улыбкой безумного маньяка.

Как такое возможно? Могла ли она угодить в червоточину, как в каком-нибудь научно-фантастическом фильме, и перенестись в прошлое?

Неделю назад в одной телевизионной передаче, из тех, в которых постоянно показывают сумасшедших искателей НЛО и изобретателей вечных двигателей, рассказывали о теории, заключавшейся в том, что рядом с нами существуют непроявленные вселенные, состоящие из нашего, когда-то возможного, но так и не ставшего прошлым будущего.

Если предположить, что она попала в один из подобных параллельных миров – это бы многое объяснило.

Между ней и лошадью, находилась яхта-песочница, посередине которой торчала металлическая штанга с корабельным рулем. Прямо под ним ярко сиял на фоне потемневшего от влаги песка красный флажок с серпом и молотом у древка. Флажок был бумажный, но не размокший. Создавалось впечатление, что кто-то воткнул его в песок буквально минуту или две назад.

Не с таким ли флажком два года назад в канун девятого мая ее сын пришел в садик? Это был тот самый день, который Катя обещала себе запомнить на всю оставшуюся жизнь.

Но, как оказалось, она настолько же легко дает себе обещания, как и забывает их.

Она наклонилась и выдернула флажок из песка. Из-за дрожащих пальцев тот будто трепетал на ветру. Ей показалось (нет, она была уверена!) – это не такой же, это именно ТОТ САМЫЙ флажок. Тот, который Макс вручила продавщица в ларьке, когда они покупали Чупа-чупс, тот самый с которым он впоследствии пришел в садик, а летом того же года оставил воткнутым в сооруженный ими обоими песочный замок на городском пляже.

– Я не брошу тебя, Макс, – произнесла Катя, вытирая навернувшуюся на левый глаз одинокую слезу.

2

В тот день, начальник отдела в котором она работала, потребовал, чтобы все сотрудники задержались и отметили наступающий юбилей победы в великой отечественной войне. Он раздал каждому по георгиевской ленточке и произнес длинную речь о том, что патриотизм и любовь к родине, это почти то же самое, что любовь к родной компании. О том, что госу-

дарство – это просто одна большая корпорация и когда, как не сегодня, им непременно надо собраться, и провести вечер, как и положено в большой дружной семье.

– В этом нет производственной необходимости, – сказал он, заканчивая спич, – но все мы здесь кто?

Он поднял вверх палец и прищурился.

– Мы – команда!

Некоторые из сотрудников отвернулись, чтобы начальник отдела не заметил, что они еле сдерживают смех. У него, как и всегда до этого, получилось нечто вроде «*Мыко манда*».

За полгода до этого, в очередной командировке, он выучил модный термин – ТИМБИЛДИНГ – и теперь любое совещание, предпочитал заканчивать этой фразой, напоминая в такие моменты персонаж из сериала «Компьютерщики». Чувствовалось, шеф хотел бы, чтобы все они дружно вместе с ним хором выкрикивали это «*Мыко манда*»! Но желающих было крайне мало.

Катя в очередной раз посмеялась над его речами о командном духе и общих целях, но от настоячивых уговоров «*задержаться на пол часика*» отказаться не смогла, посчитав, что это может навредить ее дальнейшей карьере. Думала ли она в тот момент о сыне? Она не могла этого вспомнить. Она помнила лишь то, что, сидя за столом, и стараясь оставаться не замеченной, написала в своем блоге «... в российских условиях весь западный тимбилдинг превращается в рядовой тимдринг...», а всю дорогу, болтая по телефону с подругой, ни разу не удосужилась взглянуть на часы.

3

Вспомнила она о нем только когда уже подходила к садику. И поняв, что задержалась почти на час, торопливо вбежала в калитку. Вначале Катя кинулась в группу, но поднявшись по нескольким ступеням, и осознав, что не из-за одной из распахнутых настежь дверей не доносится детских голосов, сообразила, что дети уже давно гуляют на закрепленных участках.

Огибая здание садика, она, задрав голову, посмотрела на окно группы Максима, надеясь таким образом удостовериться, что его там нет. И в этот момент каблук туфли на ее левой ноге угодил в канализационную решетку. Она грохнулась, подвернув лодыжку.

Вскрикнув от боли, закусив губу и еле сдерживая слезы, она доковыляла до участка. На детской скамейке за крохотным столом сидела воспитательница, держащая в руках книгу в мягкой обложке, из серии дамских романов или иронических детективов. Катя всегда брезгливо относилась к литературе подобного рода, стараясь обходить книжные полки с Донцовой и Куликовой стороной.

Но воспитательнице в огромных бифокальных очках, по всей видимости, настолько нравились однообразные сюжеты этих книг и плоские диалоги их героев, что она не сразу заметила Екатерину, подняв голову, только когда та ступила на дорожку, ведущую на участок.

– Максим, – произнесла воспитательница, обращаясь в сторону кустов на противоположном конце. – За тобой мамочка пришла.

Кате показалось, что слово «мамочка» было произнесено с каким-то язвительным ударением, что в него было вложено столько брезгливости, сколько могла позволить ситуация. Но значительно больше, чем сама она допускала себе выражать при виде людей, читающих Донцову.

Воспитательница встала, захлопнула книгу и, бросив на Катю короткий и определенно презрительный взгляд, молча направилась в сторону здания.

– Макс, – позвала Катя, и хромая направилась в сторону кустов.

Она нашла своего сына сидящим на попе под старым гигантским тополем. В руках он держал чёрно-белую лошадь с оскалом Джокера, сбежавшего из психлечебницы Аркхем, прижимая ее к груди, как самое ценное в его жизни сокровище. Первый ранний тополиный пух забился под бордюрный камень у его ног. Металлическая лопатка и ведро валялись в корабле-песочнице.

– Максим, – обратилась она к нему.

Боль в лодыжке из острой и режущей превратилась в ноющую и тянущую. Она позволила себе посмотреть на свои ноги и ужаснулась, увидев дыру на безумно дорогих колготках «Филодоро».

– Извини, я опоздала...

Мальчик поднял лицо, и Катя увидела слезы, текущие из его серых, показавшихся вдруг невероятно огромными, глаз.

– Я... – он с видимым усилием сглотнул комок горечи, мешавший ему дышать. – Думал, ты забыла меня...

– Ну что ты... – она присела и протянула к нему руки. – Я никогда не оставлю тебя...

Макс отбросил лошадь и кинулся к ней в объятия, уже не сдерживая рыданий.

– Мамоchка никогда не оставит тебя, – ответила она, глядя его по голове и разрыдалась сама не зная от чего – толи от жалости к порванным колготкам, толи от своей не складывающейся жизни, толи от безумной любви к сыну.

Подняв сына с земли и прижав к себе, она поклялась больше никогда и нигде не бросать его. Чего бы этого для нее не стоило.

4

– Я не брошу тебя, Макс.

Под влиянием бессознательного импульса, убрав флажок в сумочку, и даже не заметив этого, Катя вышла с игровой площадки, по узкой асфальтовой дорожке с покосившимися бордюрами, и направилась вдоль невысокого двухэтажного здания садика, обходя его по периметру.

Окна первого этажа располагались настолько низко над землей, что она без труда заглядывала в них.

В одном из помещений горел свет, и женщина смогла отчетливо разглядеть обстановку внутри.

Это был кабинет заведующей. Прямо возле окна стояло большое кожаное кресло с ручками под красное дерево, за креслом стол, заваленный бумагами и распахнутый ноутбук. Дальше – кресла посетителей и практически пустой книжный шкаф, в котором не было ничего кроме нескольких тонких журналов. Напротив шкафа темнела входная дверь.

Чуть дальше от этого окна Катя разглядела на мокром асфальте тусклые, практически смытые дождем детские рисунки и остановилась, изучая их.

Дом, горы, божья коровка несет в лапках цветок. Неровные линии «классиков» и вписанные в квадраты цифры. Над стертым, с огромным трудом различавшимся, овалом, символизирующем в детском воображении солнце, она увидела корявые пляшущие буквы.

$M+Ю=CEKC$

Катя подумала о том, насколько рано взрослеют современные дети. «М» и «Ю» – это конечно имена. Какая-нибудь Маша и Юра. Или...

... «М» – это Макс, а «Ю» – Юля...

... это просто буквы и в них нет никакого смысла.

– Ага, как и во всем вокруг, – раздалось у нее за спиной.

Она дернулась, тихо вскрикнув от неожиданности, и резко обернулась. На краткий миг сердце замерло и ей показалось, что мир, покачиваясь, плывет вокруг нее. Но в следующий момент сердце вновь неслось галопом, обгоняя все секундные стрелки в мире.

Позади нее никого не было.

Катя подняла голову, думая, что кто-то спрятался в ветвях деревьев и таким образом решил подшутить над ней. Но не заметила ничего кроме низких серых туч и летящих вниз капель дождя, которые падали на ее лицо и, как маленькие бомбы, взрывались на коже, расплескивая вокруг ледяной огонь.

– У всего есть своя причина, – опять этот высокий и надтреснутый голос. Но в этот раз он не смог заставить ее врасплох и напугать.

Катя покрутила головой, ожидая увидеть макушку шутника, прятавшегося за декоративными кустами спиреи или за стволами гигантских тополей.

Она была уверена, что слышала голос раньше, но никак не могла вспомнить, кому он принадлежал. Обладатель голоса проступал в ее памяти неясной тенью с нечетким контуром. Как только она попыталась припомнить, хоть что-то, вытащить его на свет из глубин подсознания, ее пальцы начали дрожать, а в коленях появилась странная слабость. В голове завертелась карусель из незнакомых лиц. Мужчины и женщины, парни и девушки, даже дети. Они что-то кричали ей, силясь, переорать друг друга. Будто участвовали в реалити-шоу «Докричаться до Екатерины». Но она не слышала никого. В ушах стоял монотонный звенящий гул.

Женщина открыла глаза, оставив попытки вспомнить обладателя странного голоса, и карусель лиц тут же рассыпалась, растворяясь в воздухе.

– Но не всегда причины видны замутненному взгляду, – произнес голос.

– Я сошла с ума, – она обреченно вздохнула.

– Отнюдь, – кроме того, что голос казался знакомым, он был крайне неприятен. Не ощущалось, что он несет опасность, но чувство дискомфорта от его резкого дребезжащего тембра возникало. – Ты в здравом уме. Хотя если продолжишь дальше копаться в себе и попытаешься вытащить меня из моего укрытия, точно свихнешься. И тогда я тебе уже не помогу.

– Ты галлюцинация, – сообщила Катя, невидимому собеседнику. – Сраная слуховая галлюцинация.

– Ага, как и весь Тиховодск, – казалось, что обладатель голоса язвительно усмехается.

– Именно.

– Будешь продолжать в таком духе, и ты никогда не доберешься до Макса. Будешь отрицать реальность происходящего, и ты никогда не поможешь ему. А ведь он так нуждается в тебе. Он рассчитывает, что ты найдешь и спасешь его. Но вероятно ты действительно никчемная мать, бестолковая курица только и способная, что часами трепаться по телефону с такими же глупыми гусынями, как и ты, этими твоими подружками. Только такая себялюбивая сучка и могла допустить, чтобы Макс...

– Заткнись! – закричала Катя. Слезы брызнули из глаз, она согнулась, содрогаясь от рыданий. – Ничего страшного не произошло! Макс жив, он дома! Скоро я доберусь туда, мы заберемся на диван с ногами и будем смотреть ящик и играть в Рэймана на моем планшете.

– Ну-ну... – раздалось в ответ слева от нее и, посмотрев в эту сторону краем глаза, она смогла различить периферическим зрением силуэт карлика.

Он был, видим только за счет того, что дождевые капли отлетали от него или стекали по одежде, образуя едва заметную дыру в отвесной стене, низвергавшейся с неба воды.

Карлик едва доставал ей до пояса и, был одет, как и она, – явно не по погоде. Во что-то вроде длинных шорт или коротких штанов и длинную вытянутую майку.

– Я вижу тебя, – произнесла Катя.

– Не можешь, – ответил карлик смеясь. – Ты ничего не понимаешь. Ты никак не можешь видеть меня.

– Но я вижу, – она обернулась в его сторону и, хотя тут же потеряла его из вида, продолжила, пристально смотря в то место, где должны были находиться его глаза. – Ты маленького роста, на тебе длинные «бермуды» или короткие штаны. Вытянутая майка. Я вижу, как она висит и морщится у тебя по бокам. Рукава у нее очень широки...

Кто-то толкнул ее в бедро, и женщина чуть не заорала, почувствовав крохотные пальцы, схватившиеся за него. Уже набрав воздуха чтобы закричать, она в последний момент задержала дыхание и не дала панике овладеть собой.

Кто-то невидимый наступил ей на ногу. Отпрыгнув в сторону и, скосив глаза, вновь, у самого края поля зрения, там, где все предметы теряли четкость, она увидела убегающего маленького человечка, закрывшего лицо руками и низко склонившего голову.

5

Следующее окно оказалось открытым. Катя поняла это когда попробовала заглянуть внутрь. Она сложила руки лодочкой, чтобы отгородиться от дневного света и прижалась к стеклу. Но разглядеть успела только гигантский, сложенный из кубиков посреди комнаты, дворец, и шкаф с игрушками: окно под ее нажимом тихо скрипнуло петлями и открылось, отодвигая пыльные вертикальные жалюзи.

– Эй, – крикнула женщина, заглядывая внутрь. – У вас тут все в порядке?

Это был первое здание в залитом водой Тиховодске, в которое она заглянула. Катя была уверена, что внутри никого нет, но хотела удостовериться.

Подоконник находился на уровне пупка, и она легко перегнулась через него, еще шире распахнув окно и раздвинув жалюзи.

Весь пол был усеян игрушками. Жирафы, слоны, плюшевые зайцы, грузовики, кубики, – все перемешалось как в котле у алхимика.

Прямо перед ней лежал робот-трансформер, за ним перевернутый кран.

Ее взгляд медленно блуждал по комнате, выхватывая различные предметы – барабан, гигантский пупс, сдвинутые в один угол столы и стулья, доска для рисования. У входных дверей она увидела пробковую доску с висящей на ней стенгазетой. «Наша веселая группа» – было написано на ней крупными буквами.

Катя вспомнила, что сама принимала участие в оформлении точно такой же газеты. А может это она и есть? И что это означает?

«Это окончательно подтвердит, что я попала в параллельный мир, а не сошла с ума», – решила она и, схватившись за раму, перелезла через подоконник. Под ногами, когда она опустила их на пол, хрустнул робот-трансформер.

– Извини, – прошептала женщина.

Робот промолчал.

Первое что почувствовала она, перебравшись через подоконник и очутившись в комнате, – насколько это хорошо, когда тебе на голову ничего не льется, а под ногами не хлюпает.

Ей нестерпимо захотелось скинуть с себя мокрую одежду. Но, даже понимая, что вокруг может быть ни одной живой души, ей было сложно решиться на это. Все что она смогла себе позволить – попробовать отжать кофту и джинсы, не снимая их с себя.

Пригладив мокрые волосы и убрав концы за уши, она раздвинула жалюзи. Осторожно ступая между игрушками, Катя подошла к стенгазете.

При всей схожести этот вариант отличалась от той, что она помнила.

Первое, что бросилось ей в глаза – затертое до дыр лицо ее сына на двух фотографиях, где он попал в кадр. Кто-то с такой силой замарал его черной шариковой ручкой, что протер бумагу насквозь. Дальше – больше. Из поименного списка детей он был вычеркнут тоже.

В заметке о состоявшемся спектакле про Дюймовочку, где ее сын играл слепого крота, его имя снова было замазано черной пастой. Рядом со стенгазетой висела еще одна небольшая заметка, распечатанная на обычной бумаге формата А4 и приколотая к ней булавкой. Крупными буквами в ней была написано два предложения.

Позор нашей группы!

Пойманы за игрой в «Больничку»!

Под текстом была распечатана низкокачественная фотография, вероятно сделанная на простенькую камеру обычного «фичафона». В ней с большим трудом, но можно было разглядеть девочку и мальчика, сидящих со спущенными трусами и с интересом изучающих друг друга. Их лица разглядеть было невозможно и видимо поэтому, уже позднее кто-то подписал черными чернилами: под мальчиком – «М», под девочкой – «Ю».

Нет, ну конечно это не может быть ее Максим. Ее сын сейчас дома и ждет ее. А эти надписи – просто совпадения. С чего она взяла, что затертое на фотографиях лицо, именно лицо Макса? Она водила его сюда два года назад. Так что это другой мальчик, совершенно не похожий на ее малыша.

Неожиданно справа от нее ожил висящий на стене телевизор.

6

Глянув под ноги, Катя увидела, валявшийся на полу возле нее пульт дистанционного управления. Она могла включить телевизор, случайно наступив на него, и даже не заметить этого. По крайней мере, в этом не было никакой мистики: ее замерзшие ноги в сырых кроссовках с толстой подошвой практически ничего не чувствовали.

Когда начальный логотип SMART TV исчез, на экране появилось изображение комнаты. У темного окна спиной к камере стоял человек в белой рубашке и зауженных брюках. Убрав руки за спину, человек раскачивался на каблуках черных ботинок. Короткая стрижка, жесткие волосы с сединой. Он был похож на главного банковского клерка, размышляющего об активах, депозитах и привлечении клиентов.

Что за странная телепередача?

Отчего-то ей стало не по себе. Мужчина вызывал у нее беспокойство, неясную тревогу.

Его пиджак висел на спинке кожаного кресла перед низким столом, на котором среди бумаг стоял прозрачный практически полный кофейник и две чашки с густым черным кофе. Рядом с ним стоял книжный шкаф и декоративная пальма в низком кашпо. За шкафом на стене висели дипломы и сертификаты, но разобраться и прочитать, что в них написано было невозможно.

Была только одна вещь, которая выбивалась из строгой офисной обстановки – это желтый торшер, наполнявший комнату почти домашним теплом, и картина с изображением соснового бора на стене над дипломами.

Она вспомнила странные слова, которые сказал ей Максим вовремя телефонного разговора.

... Он не пустит тебя, мамуля. Он никогда не позволит, чтобы мы встретились вновь...

Почему она сразу не обратила на них внимания?

Ведь он ясно говорил ей, что кто-то был рядом с ним.

Неужели пока она, находилась без сознания, его похитили. Сам бы он без нее никуда не ушел. Значит, его увели силой или обманом.

Не нагнетай, приказала она себе, может просто кто-то из знакомых отвез его домой.

Например, Римма.

Или Татьяна Завьялова, – мать Миши Завьялова, – соседа и одноклассника ее сына. Они раньше часто по договоренности забирали детей друг друга. Вот только последние полгода они немного не ладили.

Да ладно, что там! Можно сказать, что мы без пяти минут разосрались!

Татьяна раздражала ее своей навязчивостью, пустотой и кичливостью настолько, что Катя несколько раз чуть не сорвалась и не отправила ее в далекое эротическое путешествие. Татьяна, кажется, почувствовала это, и при каждой встрече уже несколько недель делала вид, что не замечала ее, или бубнила что-то злое и неразборчивое.

К тому же Максим отчетливо произнес «ОН». Значит это мужчина.

Бред какой-то. Ерунда. Может сын просто что-то напутал или пошутил таким образом?

Она протолкнула руку в сумочку и достала телефон. Трясущимися пальцами, промахиваясь мимо ссылок и кнопок, она нашла фото сына и нажала «Вызов на мобильный».

Гудков не было невероятно долго. Она даже два раза отстраняла телефон от уха, чтобы посмотреть, идет ли еще вызов.

Наконец раздался один длинный гудок, еще один, затем щелчок и записанный голос оператора произнес: «Извините, в данный момент вызов не может быть установлен»

– Черт, – Катя убрала телефон обратно.

– Макс, я иду, – прошептала женщина.

Быстрым шагом, пройдя через коридор, она пересекла по диагонали увешанный репродукциями известных картин широкий холл и выбежала из здания детского садика через тяжелые двустворчатые двери центрального входа.

7

Оказавшись на проспекте, она вновь поразилась странной пустоте, царившей в городе. Эта пустота была ненормальна, пугала своей необъяснимостью. По ранее оживленной центральной улице города, теперь не двигалось ни одного автомобиля. Лишь несколько стояло на стоянке возле супермаркета, но и те выглядели брошенными. Огромный джип «Тойота» демонстрировал всем распахнутый багажник. В нём лежал, уже окончательно промокший пакет с углем, и стояло прозрачное пластиковое ведро с шашлыком. Рядом с «тойотой» стоял «пежо» с работающим двигателем. Создавалось впечатление, что хозяева этих машин, в одночасье просто исчезли, словно застигнутые врасплох взрывом загадочной бомбы.

А может, всех похитили инопланетяне?

Катя по привычке задержалась на перекрестке, дожидаясь зеленого света. Над головой зашелестел листьями гигантский клён. Резкий порыв ветра, и яркие красно-жёлтые листья, кружась, опустились ей под ноги. Она тронула один из них носком кроссовок и подумала о том, что больше всего это похоже на глубокую осень. Но ведь этого просто не может быть. Как столько дней могло вылететь у нее из головы?

Перейдя на другую сторону, она заметила впереди за деревьями перед торговым центром «Александрия» мигающие сигнальные огни. Из переулка медленно вывернула машина ППС и направилась в ее сторону.

Наконец, – подумала Катя, – первое живое существо.

– Эй! – закричала она, и размахивая руками выбежала на проезжую часть. – Эй! Подождите!

Автомобиль остановился в паре метров перед ней и из него вышел громадный полицейский. Он был настолько огромный, что встань они рядом, то смотрелись бы в точности как Давид и Голиаф. Ростом полицейский был никак не меньше двух метров, а огромные плечи превращали его в подобие гигантского шкафа. С такими размерами парень мог бы пугать дети-

шек, но одного взгляда на лицо было достаточно, чтобы понять – это добрый и неконфликтный человек. Он против воли вызывал доверие к себе широко открытыми голубыми глазами и лбом без морщин.

– Здравствуйте, капитан Рустам Шигабутдинов, – представился полицейский, – У вас всё в порядке? Что-то случилось?

– Случилось... – Катя замерла, пытаясь подобрать слова, но поняла, что не имеет ни малейшего понятия с чего начать свой рассказ.

– Я потеряла сына, – наконец произнесла женщина.

Сказав это, она почувствовала обжигающие слёзы, навернувшиеся на глаза.

– Пойдемте, расскажите, что произошло в салоне, – Рустам взял ее за плечи. – Незачем мокнуть под дождем.

Она всхлипнула и послушно отправилась за ним.

Полицейский усадил её на переднее кресло, затем сел сам, при этом машина под ним заметно просела. Веса в нём было никак не меньше ста килограммов.

– Вот возьмите, – достав из бардачка пакет с одноразовыми платками, Рустам распечатал его и протянул ей.

– Спасибо, – она вынула один и громко высморкавшись, упрекнула себя за то, что выглядит со стороны, должно быть, как плаксивая дурочка.

В салоне автомобиля работала печка. Теплый поток воздуха быстро согревал и успокаивал.

– Что-то раскисла совсем, – попыталась оправдаться она, выжимая из себя улыбку. – На самом деле я не такая. Странно это. В голове прямо каша какая-то. Всё перемешалось. Макс, он катался на велосипеде, и я не уследила... я виновата, да, только я... он выехал на проезжую часть прямо под колеса фургона...

– Его сбила машина? – Рустам протянулся к рации, лежавшей на «торпедке». – Когда это произошло?

Он щелкнул тумблером, и салон заполнили треск и шипение.

– Всё как всегда. Вот засада, – полицейский покрутил тумблер в верхней части прибора. Шум стих, осталось лишь редкое потрескивание.

– Нет... Он жив... И, я думаю, в полном порядке. Мы с ним недавно разговаривали по телефону... Простите, я сама путаюсь и вас запутала... Плохо помню последние события...

Катя вздохнула и потянулась за новым платком.

– Можно?

– Да. Конечно.

– Еще раз извините, я, похоже, хорошо ударила головой. До сих пор болит. Я действительно не смогла его найти сначала. Но потом обнаружила свою сумочку и позвонила ему. С ним всё в порядке он дома. Просто я переживаю. Ведь ему только семь лет.

Сначала она хотела добавить о подозрительных словах Максима, и о странной трансляции по телевизору в детском саду. О бумажном флажке и воскресшей игрушечной лошади. О странных фотографиях и невидимом карлике с отвратительным голосом. Но потом сообразила, чтобы она не сказала, в данном случае всё будет звучать слишком абсурдно. Она не могла поверить самой себе, как же при этом можно было рассчитывать, что ей поверит кто-то другой.

– Так ДТП было? – спросил Рустам.

– Я точно не помню. Полагаю, что да. Кажется, я угодила под этот фургон, когда пыталась оттолкнуть сына.

– Вам надо обратиться к врачу, – сказал Рустам, выключив и убрав рацию. – Вас должен осмотреть специалист. Травмы головы могут быть довольно коварны. Я сейчас запишу, что вы сказали, чтобы уточнить, когда появится связь.

Он достал с заднего кресла блокнот в кожаном чехле.

– Когда я пришла в себя на обочине, то обнаружила, что грузовик врезался в рекламный щит. Он там стоит до сих пор. – Катя вспомнила шофера фургона в бейсболке, развернутой козырьком назад. – Водителя не было. Вообще никого не было. Странно как-то это все.

– Угу... – ответил Рустам, не поднимая головы и оставляя заметки в блокноте. – Проверим. Номер, цвет грузовика можете сказать?

– Фургон, что-то вроде «Газели», но больше. Вроде как импортный. Ах, да – у него на кузове логотип «Дружбы».

– Отлично.

– Разрешите, я пойду... – подтерев слезы, согревшись и обсохнув, Катя чувствовала себя значительно лучше. – Макс ждет меня дома.

– Да, конечно. Только назовите мне фамилию и место жительства. Может, у вас при себе паспорт?

– Екатерина Нилова. Живу на Кораблестроителей, дом десять.

Полицейский пристально посмотрел на нее. Голубые глаза на миг потемнели и утратили былую добродушность.

– Вот как? – удивился Рустам. – Я долгое время жил в соседнем – шестом – доме и был участковым на полставки в этом районе, но я вас не помню. А мне казалось, я знаю всех его жителей.

– Ну ладно, – он опять опустил голову к блокноту, что-то записывая в него. – Я свяжусь с вами, в случае если вы захотите возбудить дело о наезде.

– Я сильно сомневаюсь, что захочу. Все целы, а это главное.

– И всё же подумайте, не торопитесь, – произнес полицейский и, дописав последнее слово, захлопнул блокнот. – Когда закончится весь этот кошмар с наводнением, я обязательно найду способ связаться с вами.

– Каким наводнением? – Катя, уже начавшая открывать дверь, опять ее закрыла.

– Вы видимо действительно хорошо стряхнули свою лампочку, – мужчина улыбнулся собственной шутке. – В городе объявлен режим чрезвычайной ситуации. Из-за непрекращающихся дождей и переполнения водохранилища уже не один раз выполнялся аварийный сброс. К тому же на ГЭС случилась авария. Нам сообщили о разрушении гидроузла, – понятие не имею что это такое, – но говорят, скорее всего, город вообще смоем.

– Это... Чудовищно. Как все это могло произойти за то время, что я была без сознания? – она спросила это скорее у себя. Во всяком случае, полицейский, не расслышал ее вопроса, продолжая рассказывать об обстановке в городе.

– Все легло одно к одному. Представляете, что будет, если большая часть водохранилища одномоментно выльется на Тиховодск? Поэтому практически весь состав полиции и ближайших к нам армейских частей переброшены в район ГЭС для помощи МЧС. Нас предупредили, максимум, что удастся сделать – это оттянуть наш местный Тиховодский апокалипсис. Не более. Слишком велики разрушения. Некоторые уже поговаривают, что это террористический акт. В городе оставили только четыре машины для патрулирования, в том числе меня.

– И как давно нас заливают? – спросила Катя практически шепотом. И Рустам опять не расслышал ее вопроса.

– Большинство жителей города либо уже эвакуированы, либо готовятся к эвакуации. И с погодой творится нечто невообразимое. Уровень грунтовых вод поднялся уже настолько, что обычная телефонная связь вышла из строя. С сотовой тоже проблемы. Так что запоминайте, как вернетесь домой, хватайте сына и бегом в пятую школу. Не задерживаетесь. Нам отведено не более восьми часов. Вы знаете, где эта школа?

– На Скомороховой Горе, – кивнула Катя. – Мой сын там учится.

– Отлично. В школе развёрнут ближайший к вам пункт эвакуации. К тому же только этот район не будет затоплен в случае разрушения дамбы. Обязательно возьмите с собой теплые вещи и паспорт. Свидетельство о рождении сына тоже.

– Значит вот почему город такой пустой? – облегченно вздохнула Катя: по крайней мере, хоть одна странность нашла свое объяснение. – А я уж думала, голову ломала себе, куда пропали все люди, почему машины брошены с открытыми дверями.

– Так может вас всё-таки подвезти?

– Нет. Не надо. Дождь почти кончился, а мне тут не далеко.

– Тогда поспешите. И возьмите это, – Рустам достал с заднего сиденья лежавшую там полицейскую куртку и протянул ей. – Хоть немного, но защитит вас от ветра и дождя.

– А вы?

– Я в машине... Удачи... Увидимся в школе. Я тоже отправлюсь туда, как только закончу собирать по улицам подобных вам.

– Спасибо... – Катя взялась за ручку. – И много уже насобирали? Таких как я?

– Вы первая, – полицейский опять улыбнулся, вновь став похожим на большого ребёнка. – И, надеюсь, последняя.

Катя захлопнула дверь и, помахав ему рукой пошла, на ходу продевая руки в широкие рукава.

Как и следовало ожидать, куртка оказалась больше размеров на десять. Она просто утонула в ней. Но зато в ней было тепло, и она даже не обратила внимания на опять разошедшийся ливень.

Очнулась она от своих мыслей, только когда поняла, что окружающий мир застыл.

Казалось, Бог, Дьявол или кто-то другой, имевший не меньшую власть над вселенной и жизнями людей, нажал на кнопку паузы, остановив демонстрацию интерактивного кино, в котором она принимала самое непосредственное участие, в котором она была главной героиней.

Не было слышно не только собственных шагов. Не было слышно ни дождя, ни капель, падающих с мокрых листьев и карнизов. Исчезли даже запахи. Без них воздух стал пресный и мертвый. Вокруг не ощущалось ни малейшего движения.

Екатерина подняла голову, не веря тому, что происходит.

Крупные капли окутывали ее с головы до ног, и парили над ней застывшим облаком. Она оттолкнула их ладонью и они, разлетевшись, вернулись на прежнее место единым целым, так словно были бриллиантовыми бусинками, нанизанными на тончайшие невидимые нити.

Тучи над ней прекратили свой бег. Они замерли, превратившись в ледяные глыбы. Деревья, дома, ручьи поперёк тротуара, и реки вдоль проезжей части – всё будто сковал невидимый лед. Замерзли даже звуки. Прекратилось любое движение. Ей на память пришла фраза из какой-то книги:

Некоторые ошибочно думают, что ад – это обжигающее пекло, в реальности ад – это ледяной холод.

Если это так, то сейчас именно он опустился на притихший и пустынный город.

Глава 3

1

Застывший мир сковал лед времени.

Теперь она знает, как это выглядит, когда останавливается время. Как и любая река, время может остановиться лишь в одном случае – если воды, что оно несет, что составляют его суть, замерзнут.

Большие крупные капли висят в воздухе, мелкие вмёрзли в него бриллиантовой россыпью. Ее дыхание, рука, которой она хотела смахнуть застывший на щеках дождь, кровь в артериях, и даже сердце – всё замерло и остановилось.

Абсолютный ноль. Мир обездвижен. Лишь ее сознание как безумец продолжает лихорадочно метаться в стенах карцера для буйных. Метаться и считать мгновения собственного времени, измеряя его бесконечным повторением одной элементарной мысли.

Тик – Максим, я люблю тебя. *Так* – Максим, я люблю тебя. *Тик... Так...*

Катя не может сказать, сколько проходит «тиков» или «таков», прежде чем замечает, что вокруг пропали все краски кроме оттенков красного и серого, а тягучее, вязкое как водка, пролежавшая сутки в морозильной камере, время сдвинулось и течет?

Тик... Так...

Застывшие тучи похожи на окровавленные ватные тампоны, скованные льдом расплескавшейся по небу багровой реки. Солнца нет. Оно – не утонуло в стыллой тягучей воде времени, оно – захлебнулось и растворилось в нем без остатка. Рассеянный свет сочится с изнанки стратосферы, из опрокинутого космоса, через монохроматический фильтр.

Вселенная – лишь черно-белая фотография, которую демиург проявляет в темной комнате своей фотолаборатории. Бумага погружена в раствор проявителя, на ней медленно проступают кадры проползающих мимо вялых и немощных мгновений.

Тик...

... волосок на ее голове медленно сдвигается в сторону, капля на щеке опускается чуть ниже, и этот миг проявляется на фотобумаге как новое настоящее...

Так...

... ее рука оказывается чуть выше, сердце сжато, кровь вытолкнута в аорту, а старое – которое лишь один «так» назад было новым – настоящее тает и растворяется. Очередное настоящее заменяет его, проступая на фотобумаге. От старого не остается и следа...

Тик-так... Тик-так...

Екатерина – двухмерный персонаж фотографий – заперта между краями фотобумаги, а ее жизнь разорвана на обособленные и независимые друг от друга кадры фотопленки. Над ней тиховодье, она захлебнулась его гулкой пустотой.

Окружающее тонет в ржавой мгlistой сырости. Вмерзшие в воздух и зависшие на краю капюшона алмазные капли сменяют рубины.

Тик-так... Тик-так...

Лёд, сковавший время, тает, трескается и крошится.

Сначала оттаивает одна единственная капля.

Мгновение назад она висела прямо перед ее лицом и вдруг срывается вниз. Раздается тихий всплеск, сопровождающий ее падение в широкую лужу у ног женщины. Извиваясь и медленно тая, по поверхности грязной воды раскручиваются тонкие алые ленты.

Еще один всплеск. И еще.

Капли падают все чаще. В мир вновь врываются звуки – дробь дождя, шорох сворачивающейся и умирающей сухой листвы.

Несколько капель падает на предплечье, и Катя вздрагивает от неожиданности.

На коже остаются красные полосы. Лужи приобретают грязно-ржавый и темно-бордовый оттенки.

Что это?

Катя в страхе оглядывается.

Это кровь?

Кажется, теперь время несет свои воды с прежней скоростью. Или даже еще стремительней, чем ранее.

На клумбе справа от нее высажены фиолетовые, красные и белые петунии, но с первыми багровыми каплями они утрачивают былую яркость. Цветы стремительно закрываются и сморщиваются. Их стебли темнеют, приобретая медный окрас, а потом вовсе чернеют, засыхают и, крошась, превращаются в труху.

Кровь сочится и капает с неба. Темная с вкраплениями застывшей карминовой массы течет под ногами. Пузырься, закручивается у обочины дороги над канализационной решеткой. В нескольких местах впереди, застыв и свернувшись вокруг листьев и другого мусора, кровь образует небольшие островки, которые выглядят как куски мертвой плоти.

Она слышала про кровавые дожди. Слышала, они не раз случались в истории человечества. Но никогда не ожидала увидеть один из них собственными глазами.

2

До площади перед Дворцом спорта «Взлет», она добирается без приключений. Странный дождь не доставляет неудобств. Он необычен, но капли стучат по капюшону и плечам, точно так же, как и раньше. Остающиеся на коже, разводы очень просто не замечать – достаточно на них не смотреть. А если закрыть глаза, то можно подумать, что в мире совершенно ничего не изменилось.

Зажмурившись, она делает пять быстрых шагов. На обратной стороне век хаотично перемещаются блики и тени. Квадрат – это старый двухэтажный дом. Длинная тень – дерево на обочине справа. Светлое пятно – кусок неба впереди. С шестым шагом носок кроссовки попадает в выбоину на асфальте пешеходной дорожки, и она чудом удерживает равновесие, чтобы не упасть в глубокую лужу.

Не замечать странный дождь значительно проще, чем изменившийся облик города. Кажется, город примерил на себя красную маску смерти. Она на всем – на пустых улицах, на домах, брошенных детских площадках, одиноких автомобилях. Сейчас он – замечательная иллюстрация к рассказу Эдгара По.

... и над всем безраздельно воцарились Мрак, Гибель и Красная смерть...

Вокруг нет других цветов кроме черного, красного и их всевозможных оттенков. Серый асфальт и стены зданий, темно-бордовые лужи, багровые тучи, медная трава. И ощущение запустения: если раньше оно лишь угадывалось, то теперь усилилось и стало еще отчетливей. Тиховодск превратился в город-призрак. Кровавый дождь смыл с него весь лоск, всю напыщенность старых зданий с их сталинским ампиrom, кичливую эклектику с современных торговых центров и оставил только одно – непокрытую косметикой кожу мертвеца. Серую кожу в кровавых разводах и багровых трупных пятнах. Теперь это город-призрак, в котором правят мрак, гибель и красная смерть.

Выйдя из-за угла дома на аллею, ведущую к площади, Катя останавливается в замешательстве. Выложенная бетонной плиткой площадь занята передвижным зоопарком – из тех, которые объявляются в городе с наступлением лета.

3

Это было похоже на вторжение кочевников. Все эти зоопарки и цирки-шапито следовали друг за другом бесконечной вереницей. Вначале они одну за другой захватывали городские площади, а затем начинали занимать пустыри. Их присутствие легко угадывалось по специфической вони еще за квартал до того места, где они расположились.

Каждый подобный зоопарк имел в наличии автомобиль, разрисованный тиграми и львами или мартышками и макаками – в зависимости от представленных в зоопарке зверей. Медленно катясь по улицам, останавливаясь на стоянках возле торговых центров, эти машины через громкоговорители задорными и до отвращения жизнерадостными голосами, приглашали всех желающих провести незабываемое время среди диких животных Африки или среди экзотических рептилий со всего мира.

Максиму было четыре, когда они в первый и единственный раз поддались на эту навязчивую рекламу. Это был день, когда он ее в первый раз по-настоящему напугал.

Катя выходит с кухни, вытирая руки о полотенце канареечного цвета. Мясной пирог убран в духовку, тарелки на столе. Скоро они сядут обедать, а пока у нее есть свободное время, и она намеревается посмотреть телевизор, пусть даже там никогда не показывают ничего стоящего – сплошные новости и постановочные ток-шоу.

Максим сидит на полу, скрестив ноги, и пустым немигающим взглядом смотрит в одну точку. В его руке игрушечный автомобиль, и он возит его по ворсу ковра из стороны в сторону. Его движения похожи на движения сломанного робота. Они бессмысленные и механические.

– Мышь, – она подходит к нему и садится рядом, но ребенок не обращает на нее никакого внимания. Его взгляд по-прежнему устремлен в угол комнаты. На подбородке застыла капля вязкой слюны.

– Сынок, не надо, не пугай меня, – она трогает его за плечо и ощущает, как напряжены его мышцы: их словно свело судорогой.

– Максим! – она обхватывает его руками. – Перестань! Достаточно притворяться!

Катя трясет его, и его голова болтается из стороны в сторону как у сломанной куклы.

– Максим! Ответь мне!

Она отводит руку, чтобы ударить его. Впервые в жизни, она собирается ударить своего ребенка, но она настолько напугана, что уже не отдает отчета своим поступкам. Она готова на все чтобы не видеть этот потухший отсутствующий взгляд, не слышать скрип колес игрушечного автомобиля, от которого по спине и руками пробегают разряды ледяного электричества.

Но ей не пришлось бить его. Мальчик поворачивает голову так же, как это делает птица – одновременно поднимая лицо. Их взгляды пересекаются, она смотрит в его глаза и понимает, что он не видит ее. Сейчас он где-то совсем в другом месте. Ей кажется, он к чему-то прислушивается.

– Хватит! Разорвите уже этот круг! Убейте этого демона внутри себя!

– Максим? – ее сковывает ужас. Если с сыном что-то не так, она не сможет себе этого простить, она не сможет жить дальше. Что если это рак мозга или энцефалит. Что если...

– Перестаньте! Перестаньте кормить его виной и кровью, – продолжает Максим после паузы. – Вы не виноваты в смерти вашей матери! Ваш отец не виноват! Весь мир не виноват!

С последними словами из его тела будто уходит вся сила. Он расслабленно падает в ее объятия.

– Мама, – говорит он обычным голосом, – мне приснился плохой сон.

В тот момент он показался ей похожим на отца, который тоже пугал ее в детстве подобными «отключками», замирая с устремленными в одну, находящуюся где-то за пределами этого мира, точку выпученными глазами. До конца, не понимая причин своего страха, Катя схватила сына и прижала к себе. Отвлекая его разговорами, она старалась как можно дальше отвести его от края той пропасти, к которой он подошел в тот момент.

Если это сон, пусть он скорее забудется, пусть все воспоминания о нем сотрутся. Но она знала: в данном случае всё не так просто. Катя боялась, что, то, что дремлет в ее душе, передалось и сыну. Что-то темное, как тень под фонарем на ночной улице. Что-то эфемерное, как предсмертный выдох.

Отчасти для того, чтобы переключить внимание ребенка, она предложила после обеда сходить в зоопарк и посмотреть на «*больших кисок*».

Макс согласился, хотя вид при этом у него был такой, будто он делает это исключительно ради нее.

Переключить его внимание и вернуть в реальный мир ей удалось, хотя поход в зоопарк и обернулся небольшой катастрофой. У первой же клетки Максим встал и, показывая на печального и худого тигра спросил:

– Почему киска плачет? Она болеет? Ей больно?

Маленький тигр испугано забился в дальний угол. Из больных конъюнктивитом глаз сочился гной, который ее сын принял за слезы, сквозь шерсть проглядывали ребра, хвост облысел от лишая.

Катя не нашла что ответить сыну, и предложила ему пойти купить мороженого, а на котиков посмотреть потом. К ее облегчению Максим согласился.

4

Почему же ее тогда так напугала отрешенность Максима? Его похожесть на ее отца? Она почти не помнила родителей тогда и тем более не помнит их сейчас. Все что она может выудить из памяти – обрывочные фрагменты, какие-то кроваво-черные мгновения, застывшие на поверхности неподвижной воды. Это даже не воспоминания, а воспоминания о воспоминаниях.

Ее жизнь – больше не река. Катя попала в мертвый затон, в область тиховодья и медленно идет на дно. Солнце не пробивается через толстый слой воды венозного цвета. Стайки рыб остались далеко над головой. Вокруг только странные пугающие чудовища, да жуткие тени.

Фургоны, снятые с колес, расположены в виде квадрата по всему периметру площади. Примитивные рисунки на ржавых стенах изображают джунгли и экзотических животных такими, какими они могли быть на Марсе. Листья пальм, лианы – красноватых и фиолетовых оттенков. Прячущийся среди них лемур и раскинувший крылья попугай кажутся существами из преисподней.

На узких металлических ступеньках, прислонившись к распахнутой двери с надписью «ВХОД» сидит маленький мальчик. Синяя футболка и зеленые шорты выделяются на фоне остальных предметов, приобретших кровавые оттенки. Ребенок сидит, низко опустив голову и разглядывая грязные шнурки мокрых кроссовок.

На футболке мальчика изображен песик Снупи. Сердце Кати на мгновение замирает, а затем ускоряется. Такую же...

Под изображением бигля на ней должна быть надпись «Я не идеален, но очень мил». Я купила ее на распродаже в торговом центре «Виконда». Я даже помню толстую деваху, что меня обслуживала. У нее были очки с настолько странными линзами, что она напоминала

мне работа-вершителя из Москвы-Кассиопеи. Неужели ко мне возвращается память? Спасибо тебе господи. Ты любишь меня, хотя и знаешь, что я та еще засранка.

... Максим носил года два назад. Сейчас он из нее вырос, и она находится в коробке на антресолях среди ее старых платьев, где-то между вытертой курткой (она носила ее еще в школе) и прочим хламом, что никто уже никогда не оденет, но выкинуть который все еще жалко.

Ей настолько хочется, чтобы мальчик, сидящий на ступеньках, был ее сыном, что в этот момент у нее нет никаких сомнений, в том, что перед ней именно Максим.

– М... Макс, – произносит Катя, заикаясь от волнения.

– Мамуль, – мальчик хлюпает носом и громко вздыхает. – Это ты? Это правда, ты? Мне было так страшно.

– Всё,мышь, теперь всё хорошо. Мама нашла тебя.

Первые сомнения...

А Максим ли это? Откуда на нем эта футболка? Я могу поклясться, что перед новым годом поднявшись на табуретке и заглянув в антресоль в поиске пакета с елочными игрушками, я видела ее среди остального барахла. Ее никак не может быть на нем. Хотя бы, потому что он бы в нее уже не влез. Без сомнений, он похож на моего сына, но точно так же он похож и на тысячу других мальчишек.

... появляются одновременно с этими словами. Екатерина, даже подойдя ближе, по-прежнему не может разглядеть его лица – настолько низко он опустил голову. Не прячется ли он от нее? Не слишком ли громко всхлипывает, переигрывая как бездарный артист? И не выглядит ли он слишком худым и маленьким для ее сына?

– Мамочка... Я думал, ты любишь меня.

– Конечно, я люблю тебя, – она подходит ближе и берет его за руку, но где-то глубоко внутри отвечает совсем другое.

Нет, не люблю. Ты не мой сын. Ты не можешь быть им. Макс ждет меня дома. Я знаю, я разговаривала с ним по телефону.

– О чем может тут идти речь. Любая мать любит свое дитя...

Мальчик молчит. Капли кровавого дождя стучат по козырьку над входом в зоопарк до невозможности громко. Бесконечный монотонный шелест сводит с ума.

– Если бы все было именно так, – наконец отвечает ребенок низким глухим голосом. – Мы бы сейчас не находились тут.

Безумие – это тысячи маленьких колокольчиков.

Она не помнила, кто это сказал. Какой-то персонаж из фильмов ужасов. Фраза отчего-то на долгие годы засела в голове. Может быть только лишь для того, чтобы вспомниться сейчас. Вспомниться с тем, чтобы быть опровергнутой. Тысячи звенящих маленьких колокольчиков – это совсем не безумие. Отнюдь. Это не более чем легкая истерия. Настоящее безумие – это миллиарды стучащих, барабаниющих капель.

– Ты должна была следить за мной! – вскрикивает мальчик, выдергивая руку из ее ладони. – Ты должна была помешать мне, съехать с горки. Ты же знаешь, я не умею тормозить.

При этом он вскидывает голову, чтобы посмотреть в ее сторону и Катя, вскрикнув, отшатывается.

На ребенке жуткая красная маска, из странного твердого материала (это определенно не пластик, скорее очень плотный и толстый картон). Половину маски занимает огромный оскаленный в широкой ухмылке мертвеца безгубый рот. Сквозь узкие прорези ее разглядывают холодные и чужие глаза.

– Что? Не то ты ожидала увидеть? Я отвратителен тебе так же, как и остальным. Ты не смогла скрыть истинных чувств. Страх, отвращение, брезгливость, ненависть. Только это я и видел на протяжении всей жизни на лицах своих мамочек. Будто я и не человек вовсе,

а мокрица. Таракан, который вызывает лишь одно желание – раздавить его. Давить, давить и давить ботинком – пока не лопнет хитиновый панцирь, и внутренности не выплеснутся на подошву.

– Нет, я испугалась не тебя, – связки сжаты удушающим коктейлем из страха и шока, слова прорываются сквозь них с хрипом и визгом.

Врала она всегда не убедительно. Облик мальчика и его слова заставляют ее руки трястись мелкой дрожью. Она нервно сглатывает, поправляет капюшон куртки, вытирает рукой шею – совершая бессмысленные выдающее волнение поступки.

Воздух становится холодным и разряженным. Его не хватает. Она часто и неглубоко дышит, открыв рот, как выброшенная на берег рыба.

– Я испугалась маски...

Пауза. Екатерина пытается сделать насколько возможно глубокий вздох. Дрожащие руки отведены за спину. Она не должна демонстрировать ему свой страх.

– ... Она ужасна.

– Это не маска! Это мое лицо! – истерично вопит ребенок. – Моё настоящее лицо! Оно стало таким с того самого дня, когда ты предала меня! Но у тебя кишка тонка, признать это!

– Нет,мышь. Я не предавала тебя, – говорит она, а сама думает, о том, что это ни в коем случае не может быть ее добрый и отзывчивый мышонок.

– А потом ты просто бросила меня. Ты позволила себе забыть, что у тебя есть сын. Но я не удивлен. Это не в первый раз.

– Нет, любимый, я никогда не забывала о тебе.

Она ловит себя на мысли, что всю жизнь она только и делала, что постоянно оправдывалась. Оправдывалась перед начальником за чужие ошибки, перед матерью за ее грубость и невнимательность, перед подругами за их опоздания, и даже перед сыном. Что за характер такой? Что за советское воспитание? Или может это карма? Она не должна оправдываться перед этим жутким существом, ведь это не Максим, это просто неизвестное чудовище.

– Врешь! Ты уже забывала меня. В садике и в торговом центре. Жаль ты никогда не забывала меня в машине под палящим солнцем, может тогда бы я давно сдох, и не мучился.

Садик и торговый центр? Он про торговый центр «Виконда»? Откуда этот монстр так много узнал про нее?

– Максим, мне так жаль. Прости меня.

– Ты... ты... – мальчик вскакивает на ноги. – Ты – не моя мама! Ты – самозванка! А знаешь, что бывает с такими как ты? Их растворяет вода! Так же, как вода растворила злую ведьму, она растворит и тебя. Ты еще не чувствуешь это, но уже таешь и скоро от тебя не останется ничего кроме небольшой лужицы.

– Ты – не – моя – мама, – выкрикивает он, чеканя каждое слово, и скрывается внутри фургона.

5

Лишь пару секунд она стоит в нерешительности...

Это не Максим. Это не может быть он. Я разговаривала с ним по телефону. Он ждет меня дома. Но вдруг я ошибаюсь?

... прежде чем бросится следом за мальчиком.

Внутри фургона ей перегородивают путь роторный турникет, похожий на те, что ставят в аэропортах или в метро, и заваленная рекламными буклетами стойка кассира. С противоположной стороны от вертушки тянется узкий коридор, обшитый голубыми пластиковыми пане-

лями. На стенах, – в рамках, – фотографии животных, инструкция для посетителей и план зоопарка.

За мгновение до того, как в конце коридора хлопает неприметная металлическая дверь, в проеме мелькает тень мальчика.

– Эй, – Катя перекидывает ногу через турникет, надеясь перебраться через него, как какой-нибудь лихой герой блокбастера, но, так и не сумев достать до пола, виснет, вцепившись в верхнюю перекладину. Чертыхаясь и завидуя худенькому мальчику, который наверняка легко пролез в щель между крыльчаткой и ограждением, она видит свое отражение в висящем у стойки кассира зеркале.

Зрелище комичное и жалкое.

Надеюсь, тут нет скрытых камер? – думает она. – *Не хочется попадать в низкосортные передачи, заполненные закадровым гоголом.*

Еще больше раскорячившись и изогнувшись, Екатерина, наконец, перебирается на другую сторону.

Через приоткрытую металлическую дверь, она попадает на огороженную фургонами зоопарка площадь. Составленные друг за другом прицепы образуют правильный квадрат. Откинутые боковые стенки скрывают колеса и открывают посетителям клетки с толстыми прутьями, за которыми должны находиться животные.

Должны. Но не обязаны.

Сегодня клетки пусты.

Животных тоже эвакуировали? Но как? Прилетел волшебник в красно-белом вертолете и забрал из клеток всех тигров и мартышек? А попугаи полетели сами, будут добираться своим ходом? Глупость какая-то.

В центре площади установлен передвижной ларек, в котором, когда-то, когда зоопарк работал и принимал посетителей, продавалось мороженое и сувениры.

Мальчика нигде нет. Она обходит вокруг ларька, надеясь, что он спрятался от нее за противоположной стеной. Дергает дверь, хотя и видит висящий на ней огромный амбарный замок.

– Малыш, – зовет она, оглядываясь. – Просто сними маску, и мы спокойно поговорим.

Не мог же он исчезнуть? – спрашивает она сама себя и тут же и отвечает на этот вопрос. – *Мог. Если все это сон или бред. Если он привиделся мне. Как и этот кровавый дождь.*

За стеклом ларька на прилавке две заплесневелые булки. Покрытые бурой и серой плесенью они выглядят отвратительно. При одном взгляде на них даже самый голодный человек не сможет не испытать ничего кроме рвотных позывов.

Я просто брежу. Иначе и быть не может.

Она прислоняется к стене ларька и закрывает глаза.

Может, в этот самый момент я нахожусь в психиатрическом отделении? Я привязана ремнями к кровати, и врач вводит очередную дозу транквилизатора в мою исколотую вену. Я ни в чем не могу быть уверенной.

Слезы обжигают веки. Она зажмуривается сильнее, и одинокая ледяная слезинка скатывается по щеке. Катя всхлипывает, вытирая ее рукавом.

Не реви, – приказывает она себе и, размазав по щекам слезы со следами кровавого дождя, вновь открывает глаза.

Прямо перед ней на ближайшей клетке, деревянная пластинка, прикрученная к прутьям кусками медной проволоки. На ней написано всего два слова «**Glasiem umbra**¹».

---

¹ Umbra – (лат.) тень. По Юнгу Тень – архетип, представляющий собой относительно автономную часть личности, складывающуюся из личностных и коллективных психических установок, которые не могут быть приняты личностью из-за несовместимости с сознательным представлением о себе

Похоже на латынь. Екатерина привыкла, что на ней пишут либо названия лекарств, либо микробов и злобных паразитов, поэтому подобная надпись на клетке, где, судя по обилию веревок и торчащих из стен сучьев, должна содержаться обезьянка, не вызывает ничего кроме недоумения.

Позже, когда ей вспоминается...

... почему мои воспоминания то, как раздувшиеся трупы, медленно всплывают из глубин, на поверхность сознания, то выскакивают с идиотским смехом, как пружинный чёртик из шкатулки?..

... доставшаяся от родителей книга «История жизни», с реалистичными похожими на фотографии рисунками, недоумение сменяется настороженностью: изображенным в книге доисторическим чудовищам, ученые тоже давали названия на латыни.

Слово *umbra* более или менее знакомо и похоже на английское *umbrella*. Но какому же животному могли дать название «... зонтик»? На ум приходят только, грибы и медузы.

Еще – инопланетяне. Картина инопланетных медуз, свисающих с веревок, спящих на торчащих из стен сучьях и общающихся друг с другом телепатически, вызывает у нее улыбку.

Когда она подходит к следующей клетке и замечает надпись **Ego²comprehend** улыбка медленно сходит с ее лица.

Третья клетка и новая надпись – **Anima³**.

Слова кажутся знакомыми.

Эго, Анимма – это ведь что-то из психологии? Фрейдизм и прочая хрень? Определенно, я слышала эти термины раньше.

Во время учебы в университете, на третьем курсе их кафедре в расписание поставили дополнительные гуманитарные курсы. Никто не знал, зачем будущим программистам и технарям знания по истории религии или изобразительному искусству. Не знал этого, в том числе и сморщенный старый пень, который в затхлой каморке на первом этаже главного корпуса читал им основы клинической психологии. Лекции всегда проходили уже затемно, поскольку этот пень был каким-то важным профессором, и днем у него на них не было времени. Каждую лекцию он начинал с вопроса:

«Вы можете спросить меня – зачем нам все это надо? Я и сам не знаю. Но поскольку вам поставили в расписание мой курс, я его прочту. Хотя прекрасно понимаю, что по прошествии месяца вы не вспомните ничего, из того, о чем я тут разглагольствовал».

Не менее странная, чем все предыдущие фразы на табличке на прутьях клетки четвертого фургона снова кажется термином из психиатрии – **Persona⁴Nulla**. Хотя на первый взгляд она и поддается переводу...

... Пустой человек? Человек пустоты? Может это термины психических болезней? Называют же аутистов – людьми дождя после того старого фильма с Крузом и Хоффманом?

... смысла она несет в себе не больше, чем все остальные.

6

---

² Эго – Эго, Я. Согласно психоаналитической теории, та часть человеческой личности, которая осознается как «я» и находится в контакте с окружающим миром посредством восприятия

³ Anima – (от лат. Anima) «жизненное начало» или «душа» в, соответственно, женском и мужском родах. Термины, введенные в психологию Юнгом для обозначения архетипических образов, связанных, соответственно, с мужским и женским полом.

⁴ Персона – описанный К. Г. Юнгом архетип, представляющий собой социальную роль, которую человек играет, выполняя требования, обращенные к нему со стороны общества, публичное лицо личности, воспринимаемое окружающими, она скрывает уязвимые и болезненные места, слабости, недостатки, интимные подробности, а иногда и суть личности человека.

Точно напротив вагончика с металлической дверью, из которого она попала на площадь, в образованном фургонами квадрате есть разрыв. Направляясь к нему, она заглядывает в пустые клетки.

Ни мальчика, ни его следов нигде нет.

Достав из сумочки телефон, и, проигнорировав блеклую и перечеркнутую иконку, показывавшую силу сигнала сотовой сети, пытается позвонить Максиму. Но чуда не происходит. После пары коротких гудков звонок обрывается.

Поперек разрыва стоит невысокое переносное ограждение, из тех, которыми огораживают проход на важные мероприятия и демонстрации. Есть надежда, что это препятствие она сможет преодолеть более элегантно и женственно чем турникет на входе. Оно кажется легким настолько, что его могла бы передвинуть даже хрупкая женщина. За разрывом возвышается ломаный колосс дворца спорта, аллея с мокрыми скамейками и разлившаяся Волга, больше похожая на вскрытую наполненную кровью вену, чем на реку.

На следующей клетке после ограждения опять (как и на первых четырех) висит табличка. Подойдя ближе, Екатерина читает написанное неаккуратными мелкими буквами слово. Ожидая вновь увидеть название на латыни, она не сразу понимает написанное. В этот раз надпись на родном русском языке, и это ни название животного, ни загадочный медицинский термин.

На серой в кровавых подтеках пластинке написано...

ВИНОВЕН.

7

Несмотря на рассеянное красноватое свечение солнца, скрытого багряными тучами, внутри клетки, от стены к стене растекается тяжелый венозный полумрак. В центре с потолка свисает огромный раскачивающийся кокон. Сквозь бледную паутину проступают детали одежды, пальцы плотно прижатых к телу рук и кроссовки.

В коконе человек.

Свободные от паутины подбородок и нижняя челюсть в густой щетине. Морщинистый лоб прикрывает бейсболка, развернутая козырьком назад. Руки стянуты и плотно примотаны к телу тонкими, но прочными нитями. Под зажмуренными веками, лихорадочно двигаются зрачки, губы едва заметно шевелятся. Ей кажется, она слышит его шёпот.

– Не меня. Нет. Только не я. Оставь меня.

Обитает ли на земле существо, которое смогло бы сплести подобный кокон? Из темного бездонного океана памяти показываются лишь гигантские пауки-людоеды из фильмов и книг ужасов. Наверняка тело мужчины уже заполнено личинками и маленькие паучки, питаясь его внутренностями, пробираются наружу.

Неожиданно глаза человека распахиваются. Он смотрит сквозь нее как алкоголик, проснувшийся после затяжного запоя.

– Вы живы? Эй!

Взгляд человека проясняется. Он замечает ее.

– Ты?... Слава всемогущему, – мужчина отплеывается от налипшей на губах паутины. – Посмотри, в дверях справа от клетки торчит ключ?

Противоположные углы, заваленные всевозможным хламом – колоннами из стоящих друг на друге коробок, раздутыми мусорными пакетами, – скрадывали тяжелые тени. Только сейчас она обращает внимание на тихий шорох, раздающийся из-за них.

Что это? Мыши? Или...

... воображение услужливо нарисовало прячущейся в темном углу выводок огромных мохнатых пауков...

... крысы?

– Ключ? – не унимается человек. – Видишь ключ?

– Нет, – она дергает ручку. Неприметная среди нарисованных джунглей дверь не сдвинулась даже на миллиметр.

– Посмотри. Может он валяется где-то поблизости?

Трава под ногами вытоптана. На жирной, раскисшей под дождем, земле подсыхают следы рифленых подошв. Чуть в стороне, у чахлого куста, сереет вдавленная в грязь обертка от мороженого.

– Не вижу.

– Значит, он уволок его с собой, – кокон закачался, человек силился выбраться. – Прошу, найди его. Он где-то рядом. Я уверен. Найди и попроси открыть дверь. Скажи ему, что ты жива!

Слышится тихий треск похожий на звук рвущейся бумаги. Одна рука мужчины на себе, и он остервенело раздирает паутину. Широкие лопухи падают на грубый деревянный пол.

– О чем вы?..

... *Что? Она должна найти ключ и попросить его открыть дверь? И как ей следует ей сделать? Детсадовской кричалкой? Ключик, ключик золотой, в сказку дверку мне открой! Там сердитый дядька ждет, топором меня убьет?..*

– ... Кому и что я должна сказать?

– Ему! Кому же еще?! – он смог отлепить от тела вторую руку и с отвращением сдирает паутину с головы. – Скажи, что теперь винить меня не в чем.

Показалась серая бейсболка и воротник рубашки в крупную клетку. Испуганные блестящие глаза, щетина. Она понимает, что видела его раньше.

– Я не заслужил всего этого, – мужчина достает из кармана рубашки мятую пачку «Балканской Звезды» и вынимает из нее дешёвую китайскую зажигалку. – Конечно, я не снимаю с себя ответственности совсем.

Чиркает кремь, вспыхивает маленький огонек, и остатки паутины, скручиваясь, падают к его ногам.

– Мне надо было смотреть по сторонам, снизить скорость, но, черт побери, ты ведь жива, на тебе вообще ни царапины. Значит, все обошлось. Все просто замечательно. Разве нет?

Катя узнала его.

– Вы...

... *На нее вновь надвигается радиаторная решетка, над которой, через покрытое грязными разводами стекло, видно удивленное лицо небритого водителя «Сканиш». Бейсболка сдвинута козырьком назад, из уголка рта торчит на половину выкуренная сигарета, глаза широко раскрыты ...*

– ... водитель. Управляли фургоном, который чуть не сбил Максима.

– Тихо... – шофер прикладывает к губам палец. – Слышишь?

Из темного угла за коробками и мешками опять раздается шуршание.

– Что это? – спрашивает она полусёпотом. – Там кто-то есть?

– Это либо крылья, либо лапы по полу скребут. Я понятие не имею что это. Никогда не видел ничего подобного. От одного вида этой твари можно обделаться.

– Твари? Той, что оплела вас паутиной?

– Последнее что я помню после того, как твой лживый пацан заманил меня сюда, – удар в спину, и толчок. Затем все, провал...

– Погодите, – она поднимает руку, чтобы прервать шофера, но он не обращает на ее жест никакого внимания.

– ... Открываю глаза, а я уже весь оплетен липкой гадостью. Она же сидит напротив, что-то среднее между тараканом и комаром, размером с овчарку. Мерзкая, отвратительная тварь. Огромные глаза как у мухи и длинный загнутый хобот- жало...

– Остановитесь, наконец! – она хватается за прутья, сожалея, что не может таким же образом схватить шофера за воротник рубашки и хорошенько его встряхнуть.

– ... Боюсь, она не просто прячется, – окончательно выбравшись из кокона, водитель подходит к краю клетки, – она выжидает момент, чтобы сожрать меня.

– Вы сказали мой лживый пацан? Вы говорите о моем сыне?

– Да! О нем! Это все его рук дело! Он нацепил на себя отвратительную маску, думал, что я его не узнаю. Вынудив меня забраться в клетку, маленький говнюк запер дверь и сказал, что каждый должен искупить свою вину. Искупить вину, слышишь? Он кем себя возомнил? Богом? Кто дал ему право судить меня? Что я должен был делать, когда ты вылетела прямо под колеса? Он что-нибудь знает о времени реакции, о тормозном пути? Да я при всем желании не смог избежать столкновения с тобой. Скажи ему, что я не заслужил этого.

– Где он? Вы видели, куда он пошел?

– Каким образом? Я же потерял сознание. Но думаю, он где-то рядом.

– Макс! – кричит Катя, оглядываясь по сторонам. – Максим!

Но вокруг лишь пустые клетки, за которыми застывшими всполохами молний, бьющими сквозь землю из самой преисподней в низкие нависшие над головой багровые тучи, ветвятся голые кроны деревьев. Мертвые каштановые и красновато-коричневые кирпичные «хрущевки». Огромный, зловеще молчаливый, карминовый с серым колосс Дворца спорта «Взлет». Залитый кровавым дождем, более безмолвный, чем сама смерть, мир пуст и одинок. В нем нет никого кроме усталой потерянной женщины с выбивающимися из-под капюшона мокрыми слипшимися волосами и испуганного шофера.

Обступившая Екатерину тишина рассыпается миллионами осколков. В онемевший мир врывается мелодия «Крейзи Фрог» из мультипликационного клипа про лягушонка с отчетливо выраженными первичными половыми признаками.

У нее перехватывает дыхание: эта мелодия стоит на звонке ее сына.

Пару лет назад она ему очень нравилась. Каждое утро, уходя в садик, он переключал телевизор на канал «Бридж ТВ», где, в то время как раз шла программа «Бейби Тайм». Набор мультипликационных клипов всегда был один и тот же на протяжении всех этих лет. И обязательно среди них присутствовал «Крейзи Фрог». Максима невозможно было заставить собираться, пока не начинался этот клип, и только увидев своего любимого «лягушонка с пипиской», он, зевая, принимался надевать носки.

Она достает из сумочки смартфон и видит на экране фото сына.

– Где ты, мамочка, – слышит Катя, когда подносит телефон к уху.

– Я в зоопарке.

– Почему? Когда ты придешь?

– Я уже иду,мышь. Уже скоро. Скажи – это ты был на лестнице?

– На какой лестнице? Я все время был в своей комнате. Смотрел на дождь и ждал тебя.

Но тебя все нет.

У нее сжалось сердце. Захотелось оказаться рядом с сыном и, обняв его, прижать к груди.

– Максим, уже скоро. Я уже рядом с домом.

– Я тут так давно. Кажется, целую вечность. Тут плохо и одиноко.

Ей показалось, что он сейчас расплачется.

– Сыночек, мама уже рядом, скоро мы увидимся.

– Правда?

– Правда-правда. Ты же знаешь, я никогда не обманываю своего мышонка.

– Но злой человек с бородкой как у чёрта никак не замолчит. Он говорит, что это не так.

Он говорит настолько ужасные вещи. Я не хочу его слушать, пожалуйста, вернись.

– Оставайся. Оставайся дома! И никому не открывай! Я уже иду!

Она убирает телефон и оборачивается к шоферу.

– Вы ошибаетесь. Я только что говорила со своим сыном, он ждет меня дома. Так что запер вас тут не он. Он не мог хотя бы, потому что Максиму всего семь. Мальчик в жуткой красной маске это кто-то другой. Они похожи, я тоже приняла, его за сына.

– Хорошо. Ладно. Вероятно, это был не твой сын. Просто я постоянно думаю о нем. Сам не знаю почему. Он не выходил у меня из головы с того момента, как я проснулся. И это странно. Я бы понял, если бы это была ты, ведь сбил-то я тебя.

– Вы видели Макса потом? После того как... ну после ДТП? Он все говорит о каком-то человеке, мужчине с бородкой как у черта. Я просто боюсь, не похитили ли его?

– Я не помню. Помню, как столкнулся с тобой, как мне казалось, что твои мозги должны быть размазаны по капоту, и я выбрался из машины, чтобы посмотреть на то, что от тебя осталось. Меня трясло. Полагаю, это был шок. Я раньше никогда никого не сбивал. Только собаку однажды ночью. Выбрался, значит, или только подумал, что выбрался, и дальше все – провал. Не помню ничего до того, как очнулся за столиком кафе в компании трех пустых бутылок «Балтики». Полагаю, напугала ты меня со своим личинусом до усрачки, и я отправился в «Марсель» чтобы, нажавшись, снять стресс.

Она разворачивается и направляется к разрыву между фургонами.

– Эй, погоди! – вначале изумленно, а затем рассерженно кричит ей в спину шофер. – А как же я? Ты, что бросишь меня тут с этой тварью? Стой, говорю!

– Я не верю ни одному вашему слову, – отвечает Катя, не оборачиваясь. – Вы просто обычный алкаш.

Когда она отодвигает ограждение, запертый в клетке с надписью «Виновен» мужчина начинает кричать что-то нечленораздельное.

Она оборачивается и видит странное мохнатое существо. Оно вылезает из-за коробок и пакетов с мусором. Огромные полупрозрачные крылья с прожилками распрямляются. Тварь поднимается на задние ноги. С лихорадочно двигающихся жвал стекает сероватая слизь. Водитель сначала пытается протиснуться в щель между прутьями, но, когда понимает, что это ему не удастся, истошно вопя, вжимается в угол. Существо отводит передние конечности, приготовившись к удару, и затем, в один миг, прогнувшись, вонзает в живот мужчины тонкое длинное жало.

Катя закрывает глаза и, отворачиваясь, ускоряет шаг.

Все это сон. Это просто кошмар. А кошмары когда-нибудь кончаются. Когда-нибудь обязательно наступает утро, и ты просыпаешься.

У нее нет сомнений в том, что она узнала это создание. Это не что иное, как обросшая мясом и хитином цветочная скульптура стерляди, присутствующей на гербе города. Та самая, в которой ее сын разглядел одно из своих персональных чудовищ – Стрекозомонстру.

И еще в одном у нее нет никаких сомнений. Она уверена, что видела едва колышущееся марево человеческой формы. Эфемерная фигура карлика, склонившись, наблюдала за муками обреченного шофера.

8

Здание, в одной из квартир которого, она провела последние несколько лет жизни, встречает ее темными окнами. Если бы дома могли умирать, то выглядели бы, несомненно, именно так. Посеревшая (в данном случае с кровавым оттенком) кожа, темные, почти черные провалы окон, в которых почему-то ничего не отражается – ни дома напротив, ни укывшие небо сгустки туч, – распахнутые двери подъездов, как распахнутые в молчаливом крике беззубые рты. Да, именно так выглядят мертвые дома.

Двор залит кровавой водой. Она стоит лужицами на детской площадке, разлилась под скамейкой и разломанными качелями, даже внутри беседки у соседнего подъезда, где по вечерам любили собираться и «забивать козла» местные пенсионеры.

Катя поднимается на крыльцо. Инстинктивно открывает сумочку и вынимает из нее ключи, но потом замирает. В ключах нет необходимости. Правая створка дверей скрипит ржавыми петлями, покачиваясь как на ветру. Сломанный рычаг доводчика, безвольно провисает на шарнирах.

При всем желании она не смогла бы припомнить, когда такое случилось, чтобы в ее подъезд пускали кого угодно. Один из первых элитных городских домов построенный в начале нулевых всегда был лакомым куском для городских бомжей и попрошайек. Они так и норовили пробраться в него. Жильцам пришлось даже скинуться и посадить внизу охранника, чтобы он отпугивал непрошенных гостей.

Тусклый свет с улицы просачивается внутрь и перед ней, из темноты, проступают четыре ступени и металлические поручни вдоль одной из стен.

Почему не горит лампа и почему пуста комната охранника? За что мы платим деньги?! – мысленно возмущается Катя, проходя мимо небольшого помещения, где обычно в раскладывающемся кресле-кровати перед монитором компьютера сидел престарелый охранник.

Она поднимается на площадку первого этажа. Двери квартир выглядят странно. Все четыре перетянуты кожаменителем и похожи на пупырчатые матрасы. Подобный подход к оформлению был популярен в прошлом веке во времена советского союза. Сейчас на входе в квартиры даже самые не имущие слои населения устанавливают металлические двери.

Должно быть, она попала в обезумевший темпоральный портал и ее кидает из одного прошлого в другое. Или какой-то идиот раздавил бабочку, и теперь ее настоящее непрерывно изменяется, пытаясь найти устойчивое состояние, и сбрасывает лишнее напряжение так же, как земля содрогается от серии землетрясений после сдвига тектонических плит.

Стены выглядят так, будто над ними поработал безумный, помешанный на всех оттенках красного последователь Джексона Поллока⁵. Кровавые кляксы, ржавые разводы, среди которых можно разглядеть пунцовые цветы с крупными лепестками и странные темно-бордовые извилистые линии – вот не полный перечень художественных элементов, примененных им.

Правее, в глубине площадки, шахта лифта. При ее приближении разрисованные ужасными безвкусными граффити и обклеенные вкладышами от жвачек двери расходятся в стороны.

Ее будто приглашают войти.

– Тут кто-нибудь есть? – спрашивает Катя, понимая, что сам по себе лифт не откроется, для этого необходимо нажать кнопку. – Эй!

Раньше, во времена ее детства, были такие лифты, которые можно было отправить с этажа на этаж пустыми, но в её доме изначально был установлен современный лифт с зеркалами, камерами наблюдения и пафосной кнопочной панелью с имитацией дерева и стекла.

Она прислушивается, ожидая ответа. Кажется, сверху раздаются частые удаляющиеся шаги – кто-то торопливо поднимается по лестнице. Вероятно, тот, кто вызвал лифт, но у кого не хватило терпения дождаться его прибытия. Кто-нибудь со второго или третьего этажа.

Но кроме шагов ей кажется, она слышит что-то еще.

Она вздрагивает, понимая, что это детский плач. Сдавленный, но протяжный он доносится с улицы через распахнутую дверь. От него в сосудах замерзает кровь. Он выворачивает наизнанку. Почему так? Почему, как только она слышит, плачущего ребенка ее сердце сжимается и ей кажется, что это ее сын? Это так проявляется долбаный материнский инстинкт? Так

---

⁵ художник первым применивший технику разбрызгивания

у всех мам или только у нее? Она никогда не интересовалась об этом у подруг и отчего-то ей кажется, что больше не поинтересуется.

Ноги сами несут ее прочь из подъезда. Это иррационально, но она не сможет успокоиться если не найдет плачущего малыша и не убедится, что это не Максим.

Да, это глупо, соглашается она с самой собой, но мы всегда совершаем глупые вещи, когда речь идет о любимых людях. В конце концов, я почти уже пришла, пять минут это ничто, за пять минут ничего не изменится.

Глава 4

1

Оказавшись на крыльце, она понимает, что время опять остановилось. Рубиновые россыпи кровавых капель рассыпаны в воздухе. Поверхность огромной лужи на детской площадке сморщилась под порывом ветра и застыла, будто скованная космическим холодом. Весь мир – огромная ледяная скульптура. И ее тело – лишь часть его. Оно – часть скульптурной композиции.

Тело, но не сознание, ведущее счет своему собственному времени...

21... 22... 23... 103... 105...

... бесконечно сбивающееся и начинающее заново отсчитывать однообразную вечность до тех пор, пока предметы и, кажется, даже бесцветный и прозрачный воздух вновь не раскрашиваются, не достававшими еще какие-то мгновения назад, цветами и оттенками.

2

Кровавая пелена, окутывавшая город, спала. На деревьях вновь зеленели листья, по небу проносились низкие тучи. Она выдохнула, и изо рта вырвалось мутное облачко багрового пара. Прощальный привет из параллельного мира, в котором она побывала.

От следующего вздоха закружилась голова. Пронзительно и дурманяще пахло зеленью и мокрой землей.

Приятные запахи реальности не шли ни в какое сравнение с медными и гнилостными запахами кровавого дождя.

Перед ней возвышался дом, в котором она жила. Он уже не выглядел мертвым как раньше, но всё ещё казался брошенным, подобно остальным строениям в городе. Окна больше не были похожи на черные дыры, – в стеклах отражалось и небо, и соседние здания.

Над крышей промелькнула молния. Раздался запоздалый раскат далекого грома.

В дали печально прокричала одинокая чайка, и у Кати замерло сердце. Это он, это тот самый звук – поняла она. То, что она слышала стоя внутри подъезда – не было плачем ребенка. Это был просто крик чайки.

Возле крыльца появились довольно массивные на вид новые скамейки.

Когда их успели поставить? Кажется, утром их еще не было.

Она обернулась и ахнула, увидев, как и положено закрытую дверь. Подергала за ручку – запрета. Никаких сломанных доводчиков и выломанных кнопок на панели под табло с глазком камеры.

Вынув из кармана ключи, она прикоснулась к замку. Раздался писк и щелчок открывающегося затвора. Створка подалась в ее сторону.

Как только она вошла, сработал датчик движения, и яркий свет диодной лампочки осветил выкрашенные в салатовый цвет стены.

У меня была галлюцинация, – решила Катя. – Все эти странности, кровавый дождь, шофер, оживший страх Максима в виде чудовища из глины и травы – ясно же, что ничего этого нет и не было. Мне надо обязательно показаться врачу. Обещаю, как только я разыщу Макса, и всё вернется в свое русло, я обязательно сделаю томографию мозга. Вдруг это опухоль?... Нет. Лучше не думать об этом.

3

Охранника на месте не оказалось, но в этом не было ничего необычного, учитывая, что в городе объявлена эвакуация. Наверняка он вместе со своей семьей и внуками уже едет к своим родственникам, проживавшим в Ярославле.

Кровавые разводы и сюрреалистические картины отсутствовали, стены были чистыми и салатовыми: такими, какими и положено быть стенам в ее подъезде. Двери квартир – обычными металлическими.

Лифт открылся сразу, как только она нажала на кнопку – сияющий чистотой и сверкающий блестящими ручками вдоль стен. Под потолком мигала красным огоньком крохотная камера.

Войдя внутрь, она по привычке первым делом посмотрелась в зеркало и не узнала себя.

Перед ней стояла не молодая успешная, женщина, а подросток-беженец из сербского села. Худое, если не сказать истощенное, тело скрывала огромная, на пять-шесть размеров больше необходимого, полицейская куртка. Средней длины светлые волосы, намокнув, висели темными неопрятными прядями, из-под них испуганно выглядывали серые глаза с расширенными зрачками. На шее и щеке застыли кровавые разводы.

Катя откинула с лица волосы и оттерла следы багрового дождя с лица. Двери за ней закрылись.

Нажав на кнопку седьмого этажа, она расслабилась, понимая, что от родного дома и Максима ее уже не отделяет практически ничего. И как только они встретятся, всё изменится, всё вновь войдет в привычное русло.

4

Но спустя несколько секунд лифт, дернувшись, остановился. Мигнув, погас свет, и ее окутал удушающий кокон.

Тьма и тишина заключили Катю в свои объятия. Тьма и тишина – именно тот компост, на котором вырастают исключительно гигантские цветы страха: с жирными стеблями и резными листьями – гордость садовода.

Первые ростки паники запустили свои корни в ее сознание.

Надо найти кнопку с вызовом диспетчера, подумала она. Вот только ответит ли ей кто-нибудь на том конце, ведь все жители города уже эвакуированы или ждут своей очереди в школах и больницах?

Протянув руку, Катя нащупала контрольную панель и принялась нажимать на все кнопки подряд.

– Эй, – прошептала женщина срывающимся голосом. – Меня кто-нибудь слышит? Я застряла. Вытащите меня!

Ответом по-прежнему была тягостная тишина, в которой отчетливо слышался неровный стук ее собственного сердца.

Глаза постепенно привыкали к отсутствию освещения, и она различила стены, контрольную панель на одной из них и створки дверей между которыми сочился тонкий ручеек мутного оранжевого света. Катя поднесла к нему руку, и пальцы, словно на самом деле окунулись в небольшой горный поток.

Екатерина не успела вскрикнуть, а кто-то уже притронулся к её ладони.

Прикосновение было мягким, но ее передёрнуло как от удара током. По всему телу пробежала судорожная волна, и она завопила так, как не орала никогда в жизни.

Катя вжалась в угол, в испуге выставив перед собой руки. В шаге от неё стояла высокая темная фигура. Черты лица, особенности одежды всё это было скрыто царящей в кабине лифта тьмой. Все что она могла различить – общие контуры.

Человек был выше нее, худощав.

– Кто ты! – закричала она. – Откуда?! Что тебе надо?!

Но он лишь стоял совершенно без движения и, казалось, пристально разглядывал ее. Катя лихорадочно соображала, что же ей делать. Броситься на него с кулаками, продолжать кричать? И то, и другое не имело смысла. Все варианты дальнейших действий, что приходили ей на ум, казались глупыми и бестолковыми.

Она смотрела на незнакомца, он смотрел на неё. Мгновения тянулись невообразимо долго, изматываяще, как срывающаяся с крана капля. Такая игра в «гляделки» была хуже, чем полуденный бег по Сахаре.

Женщина не выдержала первой.

– Что тебе надо? – спросила она. – Хочешь убить меня? Напугать? Изнасиловать? Давай быстрее покончи с этим.

Но незнакомец, не издав ни звука в ответ, всё так же стоял напротив нее молчаливой каменной скалой. Только медленно помотал головой.

Или ей показалось?

Как и то, что при этом его вид уже не настолько пугал, насколько вызывал жалость.

– Да, что ты, черт побери?! – крикнула Катя, попытавшись толкнуть его в грудь. Однако рука прошла сквозь тело человека, не встретив никакого сопротивления. Эфемерная сотканная воображением фигура медленно растаяла, растворившись в наполнявшей кабину лифта тьме.

В тот же момент вспыхнул яркий свет, и двери лифта распахнулись.

Она вылетела из него, испуганно озираясь.

Третий этаж.

Лучше оставшиеся этажи пройти ногами, решила она, поглядывая на сверкающую внутренность лифта.

Поднявшись на один пролет, она увидела, как прямо на нее, прыгая через ступеньки, катится синий светящийся каучуковый ёжик. После каждого удара об пол игрушка ярко вспыхивала, и становилась похожа на маленькую звезду, сорвавшуюся с небосвода. Когда ёжик подкатился к ногам женщины, его свечение заметно ослабло, а когда та взяла его в руки, погасло вовсе.

Податливые шипы прогнулись под пальцами. Ощущение показалось безумно знакомым. Была ли у Макса в детстве подобная игрушка? Она не могла ответить с полной определенностью. В голове крутились только странные смутные образы.

Приклеенные, сведенные в кучу, глаза удивленно разглядывали узор линий на ее ладони. Еж хиромант был шокирован поворотами линий судьбы и жизни?

– Вот даже этот ёж обалдел от увиденного, – сказала она себе, подбрасывая его на руке. – Обалдевший ёжик.

При этих словах у неё перехватило дыхание. Катя уже переживала это. Она уже держала в руках резинового светящегося ежа и называла его обалдевшим. Но когда? При каких обстоятельствах?

Они собрались на прогулку. Максим, которому совсем недавно исполнилось три года, одетый в теплую меховую куртку, и похожий на маленького медвежонка, вошел в лифт первым. Из руки в руку он перекладывал синего резинового ежика, который при этом ярко светился.

Максим взял игрушку за длинную резинку, приставил ее к носу и, смеясь, объявил.

– Ма, смотри, – сопелька... Сопелька-фонарик...

Катя улыбнулась в ответ и, уже заходя за ним следом, вспомнила, что оставила включенным утюг.

– О, боже, рыбка, – обратилась она к сыну, – Подожди, мама сейчас...

Чуть ли не бегом вернувшись в квартиру, женщина выключила прибор из розетки и проверила газ на кухне.

Когда она вновь стояла в дверях, намереваясь закрыть замок, ее перехватил звонок мобильного.

Это была Анастасия, подруга юности, звонившая чтобы, рыдая, объявить, о том, что от нее ушел парень, с которым она встречалась с переменным успехом на протяжении последних двух лет.

Катя пребывала в уверенности, что разговор у них состоялся до неприличия короткий. Событие, конечно, было неприятным, но явно не из тех, на которые можно тратить свое бесценное время. На что рассчитывала её подруга, она не особо понимала, – с самого начала было ясно, что этот Павлик при первой же возможности скинет Настю как ненужный балласт, несмотря на все её занятия фитнесом и грудь третьего размера.

Быстро попрощавшись с подругой, пообещав перезвонить той, как только появится возможность, она, не торопясь, закрыла входную дверь.

– Ну, пойдем, – сообщила она Максу, оборачиваясь и убирая ключи в карман.

Но улыбка, адресованная сыну, медленно исчезла с её лица. Лестничная площадка была пуста. Макса за её спиной не было. Она решила, что он, не став дожидаться своей матери-копуши, пошел на прогулку самостоятельно.

Первоначальное изумление сменилось страхом за него.

Но когда перед ней разошлись двери лифта, страх в свою очередь оказался вытеснен ужасом.

Она увидела прижавшегося к стене и держащего в руках светящегося ежика Максима. Осознание произошедшего чуть не лишило её чувств. Она прижала сына к себе, вытерла несколько слезинок с его щек.

– Ты как, дурачок? – прошептала женщина, поцеловав его. – Ты что же не вышел?

Естественно, Максим не мог ответить на эти вопросы, вместо этого он просто объявил.

– Так страшно было... Я прям обалдел... Если б не ёжик я бы помер...

– Ёжик тоже обалдевший,мышь, – Катя опять обняла сына. Затем щелкнула по носу сначала игрушку потом Макса. – Вон как глаза свои выпучил.

– Обалдевший ёжик, – улыбнулся Максим.

– Именно. И, если он спас тебя от темноты и обитающих в ней чудовищ, я разрешаю тебе сегодня спать с ним.

6

Не желая расставаться с резиновым ёжиком, она убрала его в сумочку. У нее возникла убежденность, находясь рядом с ней, игрушка своим присутствием не позволит ей больше оставить сына в лифте и после забыть об этом, вычеркнуть из памяти, так будто ничего не было. И, кроме того, у нее просто не хватило сил выбросить ее. Как не хватило сил выкинуть бумажный флажок, найденный в песочнице.

7

Поднимаясь по лестнице, она не могла пройти мимо «стены поэзии». Так она называла участок между пятым и шестым этажами, где, вместо привычного сейчас в спальных районах доморощенного граффити, можно было обнаружить тексты песен популярных среди подростков рок-групп и дворовый фольклор, в меру приправленный словами, которые в книгах обычно принято заменять многоточием.

Но эта стена поэзии, оставаясь, по сути, тем, чем ей и надлежало быть, изменилась по содержанию. На ней больше не было песен и стихов о любви подростков, о несчастной собаке, не было и изображения сердца пробитого стрелой амура. Катя очень хорошо помнила его – искусно нарисованное, оно выглядело объемным, будто выпирающим из стены.

Все это заменили грубые порнографические рисунки и никогда не слышанные ей раньше стихи.

Рисунки были подробными, вульгарными, и отнюдь не детскими. Их скорее бы нарисовал престарелый озабоченный импотент, чем подросток. Подростки с их гиперсексуальностью даже представить не могли всей изображенной тут гадости. Такие рисунки могли бы принадлежать кисти Сальвадора Дали, если бы он принял иллюстрировать «Плейбой».

Ее взгляд пробежал по кривым строчкам.

Я – кукла-вуду

Плакать не буду

И запомни

Я ничего не забуду

Она не слышала раньше такой песни и не замечала этого текста на «стене поэзии». Было в нем что-то зловещее, перекликающееся с ее ощущениями. Правее текста была нарисована голова вороны, скрытая капюшоном. Рисунок напоминал изображение чумного доктора со средневековых гравюр. Только клюв был длиннее и не загнут к низу.

Ниже было еще несколько десятков строк. Она прочитала окончание.

Как только отойдут

красные воды,

найдутся всем куклы Вуду

и кукловоды.

Сеанс иглотерапии

идёт покуда

есть в зеркале кукловод или

кукла Вуду.

У неё появилось огромное искушение связать между собой природный феномен, свидетелем которого она стала, и текст никогда не слышанной ранее песни. Будто все происходило

не просто так, а по сценарию загадочного кукловода. Любое событие, любое слово или ощущение несло в себе смысл и увязывалось с придуманным им сюжетом. Ее сознание, как и сознание любого человека, стремясь найти закономерность в совпадениях, обнаруживало скрытый смысл там, где его не было и верило, что всякое ружье, рукой сценариста повешенное на стену, к финалу обязательно отыщет свою жертву.

Упомянутые в стихах «красные воды» и кровавый дождь и были той самой скрытой закономерностью, теми самыми ружьем и жертвой. Ей показалось, этот текст появился на стене не просто так. Это было тайное послание от Максима или его ангела-хранителя. А может от добрых серых человечков. Кто-то из них оставил его, потому что знал, что ей предстоит попасть под кровавый дождь и значит она, в отличие от «них» – похитителей, агентов ФСБ, демонов или сонма чужих – поймет скрывающийся в нем смысл.

Забравшись на седьмой этаж и переводя дыхание, она подошла к дверям своей квартиры. Это была единственная дверь с высокой степенью взломостойкости, сделанная из легированной стали толщиной шесть миллиметров, с укрепленным замком, выдерживающим прямое попадание из огнестрельного оружия. На нее был наклеен номерок с пальмой.

Трясущимися руками Катя попыталась вставить ключ в замочную скважину, но у неё ничего не вышло. Выдохнув, попробовала ещё раз, но ключ, входя на половину, каждый раз во что-то упирался.

Наверняка, это детские проказы. Когда ей было шесть, она сама любила забивать отверстия замков в дверях соседей обломками спичек, чтобы потом наблюдать как они, чертыхаясь и матерясь, пытаются попасть в свою квартиру.

Разозлившись, она принялась крутить ключ, стараясь протолкнуть его, несмотря на сопротивление, и тут из-за двери донесся женский голос.

– Уходите! Я уже вызвала полицию!

В испуге отскочив от дверей, Катя выронила ключи. Они звякнули о бетонный пол и скатились на пару ступенек вниз по лестнице. Поднимая их, она услышала, что изнутри квартиры кто-то щелкает замком.

Вероятно, это те о ком ее предупреждал Максим. Это целая банда кинднеперов. Они смогли обманом вынудить его открыть дверь, и затем...

Только бы они ничего с ним не сделали, только бы не причиняли ему боль!

– Кто вы?! Что вы делаете в моей квартире?! – закричала она, схватившись за ручку и принявшись дергать её из стороны в сторону.

– В вашей?! Что за неслыханная наглость! Это наша квартира! Мы живем тут уже четырнадцать лет! – голос определенно принадлежал молодой женщине или девушке. Кате она представилась в виде невесты Сунни Тодда из фильма про демона-парикмахера с Флит-стрит – черные всклокоченные волосы, глубокие тени под глазами, пирсинг в губе и на носу, – женщина, которая силой и обманом проникла в ее квартиру, обязана быть сатанисткой, наркоманкой и подругой антихриста.

Сквозь дверь донёсся мальчишеский голос.

– Ма, ты где?!

– Я здесь, рыбка! – закричала Катя. – Мама пришла! Я спасу тебя! Не бойся!

Колотить в дверь и пытаться ее взломать было бесполезно. Оставалась призрачная надежда на соседей (которых, судя по всему, в доме уже не осталось), и на то, что всё же ей удастся открыть замок. Катя снова вставила ключ в скважину, и в этот раз он легко вошел в нее, но совершенно отказывался вращаться.

– Сейчас, мыш, сейчас. Мама уже рядом, – сбивчиво бормотала она сквозь неровное дыхание. – Мама никому не даст тебя в обиду. Подожди минутку. Сейчас, сейчас...

– Уйдите, – раздалось в ответ. – Вы пугаете Андрюшу.

– Это вы, – завизжала Катя и со всей силы стукнула кулаками в дверь. – Это вы уйдите из моего дома! Как вы там оказались?! Почему вы называете Макса Андрюшей. Максим я тут! Я тебя освобожу!

Катя уткнулась лбом в холодный металл, стараясь успокоиться и привести в порядок мысли.

– Мама, кто эта тётя? – донёсся до неё голос ребенка. – Почему она так кричит?

– Тётя сошла с ума, – ответила женщина с той стороны дверей. – Не бойся, родной. Мама уже вызвала полицию.

На Екатерину внезапно навалилась совершенно невыносимая усталость.

– Макс, – прошептала она и обессиленно опустила рядом с дверями. – Где ты сынок? Что происходит?

Она обхватила голову руками.

8

Двери лифта распахнулись, и на площадке показался огромный полицейский, которого она не могла не узнать.

– Рустам! – она бросилась к нему на встречу, но остановилась на полпути, не заметив ожидаемой ответной реакции со стороны молодого человека.

– И почему я не удивлен? – полицейский смотрел на нее холодно и отстранённо, при его огромном росте взгляд свысока получался у него превосходно. – Как только я услышал о том, что безумная женщина пытается проникнуть в чужую квартиру, я сразу подумал, что это вы.

– Нет, послушайте, – Катя схватила его за руку. – Это моя квартира. А те, там, внутри – они захватили в заложники Максима и не пускают меня.

– Разберемся, – отведя от нее взгляд, ответил полицейский

Он подошел к дверям.

После его звонка дверь сразу распахнулась.

На пороге стояла молодая женщина, невысокого роста, брюнетка. Большие черные глаза испугано изучали Екатерину. В ее облике не было практически ничего похожего с Хеленой Картер или с безумной сатанисткой. У нее за спиной прятался мальчик в клетчатых шортах.

И это был не Макс.

Русые всклокоченные волосы, карие глаза, веснушки на длинном носу – даже слепой не смог бы перепутать его с Максимом.

– Как хорошо, что вы приехали так быстро, – брюнетка показала на Катю. – Она пыталась открыть нашу дверь. Я выходила с кухни, когда услышала, что кто-то ковыряется в замке и, посмотрев глазок, увидела ее. Вначале я подумала, – это вор и позвонила в «02», но потом эта девушка начала нести всякий бред... Кажется она – того – спятила...

– Разберемся, – опять ответил Рустам. Он должно быть в детстве хорошо усвоил, что краткость – сестра таланта, но забыл, что повторенье – мать ученья.

Катя разглядывала коридор своей квартиры и не узнавала его. Мало того, что эта мошенница, проникнув в ее квартиру, за пару часов поменяла всю мебель, она также успела сделать ремонт, переклеив обои и заменив ламинат.

Ты сама-то веришь в это? Объяснишь, как такое возможно? – раздался высокий и неприятный голос. Она скосила глаза и увидела колышущийся полупрозрачный силуэт у лестницы. Карлик стоял, опираясь о поручень перил.

Катя посмотрела на Рустама, затем перевела взгляд на женщину. Слышат ли они его? Или он – плод только ее воображения?

– Для начала я хочу, чтобы вы все представили мне документы, – произнес полицейский, как ни в чем не бывало.

– Андрей сбегай в комнату, принеси со стола мамин паспорт, – сказала женщина, обращаясь к ребенку, и тот мгновенно исчез в тени коридора.

Бедная, ты совсем запуталась, –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.